

*УЧЕННЫЕ ИНСТИТУТА ГЕОЛОГИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН*

*Посвящается 135-летию
со дня рождения П.А.Борисова*

БОРИСОВ
Петр Алексеевич

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОЛОГИИ

**БОРИСОВ
ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ**

Петрозаводск
2013

УДК 55:061.6(092)(470.22)
ББК 26.3г(2Рос.Кар)
Б 82

Б82 **Борисов Петр Алексеевич.** Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 68 с.

ISBN 978-5-9274-0603-6

УДК 55:061.6(092)(470.22)
ББК 26.3г(2Рос.Кар)

Отв. за выпуск докт. геол.-мин. наук В.В. Щипцов

ISBN 978-5-9274-0603-6

© Карельский научный центр РАН, 2013
© Институт геологии КарНЦ РАН, 2013

ВСТУПЛЕНИЕ

Борисов Петр Алексеевич (1879–1963) – организатор и зав. сектором геологии Карело-Финской научной базы АН СССР (1946–1960), затем директор Института геологии Карельского филиала АН СССР (1961–1963), д.г.-м.н., проф. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Написал учебник «Агрономическая геология», получивший широкую известность. С 1908 г. начал геологическое изучение Олонецкой губернии, а позже был тесно связан с геологическими исследованиями на территориях северной Карелии и Кольского полуострова, где он изучал нерудные полезные ископаемые, важные для народного хозяйства: полевой шпат, доломиты, бариты, кианиты, нефелин, слюду-мусковит, шунгит и другие виды полезных ископаемых. П.А. Борисов по праву считается создателем школы исследователей недр Карелии. До настоящего времени настольными являются книги «Керамические пегматиты КФССР. Петрозаводск, 1948; Керамические пегматиты СССР и их заменители. М., 1954; Карельские шунгиты. Петрозаводск. 1956; Каменные строительные материалы Карелии. П., 1963.

Данное издание посвящается 135-летию со дня рождения Петра Алексеевича. Знаменательно, что в этот выпуск серии «Ученые Института геологии КарНЦ РАН» вошли неопубликованные страницы о детских годах Петра Алексеевича в г. Чугуеве*, написанные самим П.А. Борисовым. Весной этого года в Институте геологии было проведено заседание, посвященное 135-летию профессо-

* **Чугу́ев** (укр. *Чугуїв*) – город областного подчинения, Чугуевский городской совет, Харьковская область. 28 км к юго-востоку от Харькова входит в Харьковскую агломерацию. Население по переписи 2001 г. составляет 36 438 человек. Город получил название от прежнего Чугуевского городища, находившегося на этом месте (возможно, названного по имени половецкого хана Чугая). Название, скорее всего, происходит от татарского слова «чуга», что означает узкий кафтан с короткими рукавами. Территория нынешнего Чугуева и называлась Чугой, что означало – тут живут люди, которые носят чугу.

ру П.А. Борисову. Записи выступлений В.И. Робонена и Ю.К. Калинина с личными воспоминаниями о крупном ученом и организаторе науки включены в настоящий выпуск. В этот выпуск вошла статья Г.Ц. Лака, переданная нам в октябре за неделю до смерти Гарри Лака. Он познакомился с Петром Алексеевичем в 1948 г. Судьба распорядилась так, что через 15 лет Гарри был на прощании с Борисовым в день его похорон в г. Пушкине в 1963 году.

О П.А. Борисове

Пулькин В. Сияние кристалла, или Повесть о первом карельском геологе // Северный курьер. Вып.67(197) от 31 июля 2002.

Соколов В.А. Человек влюбленный в камень. Рассказ о жизни и деятельности профессора Петра Алексеевича Борисова. Петрозаводск: Изд. «Карелия», 1972. – 108 с.

Свириденко Л.П. Борисов Петр Алексеевич // Карелия. Энциклопедия. Петрозаводск: ИД «Петропресс», т. 1, 2007. – С. 176.

П.А. Борисов

МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Бабушку Анисью Романовну мы все любили, особенно я, ее «первенький внучек». Ее милое морщинистое лицо с добрыми серыми глазами и курносеньким носиком «пуговочкой» и сейчас стоит в памяти. Помню, она в шутку мне все жаловалась: «Я теперь старенькая, кто меня будет кормить? Вы все вырастите, из дому уйдете», – «Бабушка, я тебя всегда буду кормить!» – «А как же ты, мой внучек, будешь меня кормить?» – «Да ложкой, бабушка, с кашей». Это очень умиляло добрую старушку и из кармана у нее в руках вдруг появлялась сушеная груша или пряник и вручалась ее будущему кормильцу. Вынянчив всех нас, она стала тосковать о других внуках, которые появились у другого ее сына – Якова, давно ушедшего из Чугуева на работы в Полтавскую губу. В один летний день она решила ехать к нему, как ни отговаривали ее отец и мать – ей уже было лет семьдесят. На пути она заболела холерой

и скончалась, не доехавши до новых своих внучат. Все, кто знал ее, любили за незлобивый характер, веселый нрав, скромность и доброту эту преданную своему роду старушку, натерпевшуюся в своей поселенческой жизни да, вероятно, и от властной невестки.

Мои первые ясные воспоминания и относятся к недолгим годам жизни в родительской семье, под крылышком двух бабушек. Самого переезда семьи из батальона в город я не помню, но смутные впечатления в первые годы жизни в нем, после единственной улицы Рабочего батальона были огромность заселенной площади и непонятный людской муравейник, заполнявший эту площадь с ее многочисленными – иногда двухэтажными каменными домами. А все это казалось «батальонцу» необычным, таинственным и даже внушающим некоторый страх.

Центральную часть Аракчеевского поселения занимал собственно Чугуев с его четырьмя улицами, где были сосредоточены в каменных зданиях военные управления, офицерское собрание и офицерские квартиры, военная небольшая церковь, каменный гостиный двор со сводчатой галереей. Улица упиралась в две площади военного назначения: одна из них называлась «Юнкерским плацем», который венчался большим трехэтажным зданием б. топографической школы, потом Чугуевского пехотного юнкерского училища и красивым белым каменным собором в модном стиле эпохи Александра I – русского ампира с пирамидальной колокольней, крытой белой жезью и поэтому видной за много верст на солнце, Юнкерский плац служил местом учений, парадов и прогулок общества военных города и горожан, которых привлекала сюда военная музыка по субботам и праздникам.

Дворянская улица была вымощена крупными каменными плитами еще с аракчеевских времен и считалась аристократической улицей города. Ее пересекала Никитинская (в честь бывшего начальника военных поселений), улица тоже с хорошими домами и мощеная такими огромными плитами песчаника, и Деревенская – не мощеная улица с каменными домиками мелкой переселенческой администрации, на ней был и каменный дом моих родителей. Обе улицы утопали в зелени – обязательной – по уставу – украшении жилья поселенцев. Обе улицы упирались с восточной стороны в Харьковскую, ко-

торая служила частью известного на Украине шляха (столбовой дороги), соединявшего Харьков с Ростовом-на-Дону.

Четыре улицы города образовывали правильный четырехугольник, нечто вроде военного каре, в середине которого располагалась обширная базарная площадь с лавками, ларьками, местами стоянок для приезжавших из окрестных слобод возов с хлебом, живностью, скотом, сеном, овощами, фруктами и деревенскими тканями, гончарными изделиями, колесами, дугами и всякого рода деревянными изделиями.

Именно здесь и была в далекие времена возведена «Чугунная» крепость – охрана южных рубежей допетровской Руси, о которой сохранились предания и архивные материалы. Для целей защиты их от кочевых племен из восточной Азии и наследников Золотой орды – крымских татар, трудно лучше представить себе более подходящие природные условия, чем те, которые характерны для Чугуева.

Город расположился на высокой горе, круто взмывающей с одной стороны над широкой заливной речной долиной р. С. Донец на высоту не менее 40–50 м. Окраина города окружена такими же глубокими и крутыми оврагами со всех сторон, которые отделяли город и его окраины от обширных степей. Как оборонный и наблюдательный пункт «Чугунная крепость», наши предки удачно выбрали возвышенность, господствующую над окружающей степной местностью: с одной стороны обширная древняя хорошо разработанная долина С. Донца, который правым берегом упирается в крутые обрывы Чугуевской горы, с другой стороны – крутые обрывистые овраги, а за ними безлесная степь. Большим недостатком этого города было полное отсутствия в нем источников воды; водоносные слои пород лежат здесь на глубине, вероятно, не менее 100 м, а от реки к городу подходы отстояли далеко, и доставка воды затруднялась крутыми подъемами через три горы, одна из которых называлась почему-то «генеральская» – через нее шел главный почтовый тракт из Харькова на Ростов. Другая носила название «грековой» горы по имени старинной усадьбы какого-то военного Грекова. А третья – «Гридина гора» – были на этой улице большие военно-поселенские здания «Деловой двор».

В раннем детстве все три горы с крутыми спусками были крайней границей наших путешествий без надзора старших, спускаться по горам к Донцу мы не решались. Действительно, страшновато было смотреть, как готовились к спуску с этих «гор» возвращавшиеся из города возы и экипажи, налаживали у колес специальные тормозные приспособления. Можно себе представить состояние не мощных крутых спусков после осенних или летних дождей, когда красно-бурая глина превращалась в липкое скользкое тесто и груженные телеги и возы не находили опоры для колес. Подниматься по такой крутизне тоже было нелегкой задачей – и без отдыха лошадей и волов на середине горы осилить ее было невозможно. При скоплении экипажей в базарные дни на «генеральской» – более удобной для подъезда к городу – крики, ругань, а иногда и потасовки едущих были явлением обычным.

Зато Чугуевская возвышенность давала широкий кругозор для наблюдений за степью и красивое зрелище на задонецкие окрестности. На пять-шесть верст простиралась песчаная долина реки Донца с ее зеленой заливной поймой и светлыми песками, озерами, густыми сосновыми борами и хорошо видимыми в ясный день деревнями на горизонте. Особенно красиво была расположена в 6 верстах от города слобода Кочеток на высоком правом берегу Донца в дремучем дубовом лесу с белой церковью на горе.

Кочеток был излюбленным дачным местом для жителей Харькова и славился по всей округе своей чудотворной иконой и криницей-родником, у которого – по преданию – была «обретена» эта икона богородицы, ежегодно привлекавшая летом на крестный ход тысячи людей из близлежащих деревень и города Чугуева. Красивое зрелище этого крестного хода запечатлелось в моей детской памяти. Считалось обязательным совершить путешествие в этот день, и родители брали с собой и нас, 5–7-летних детей. Надо было встать пораньше, чтобы попасть в Кочеток к церковной службе. Дорога шла вдоль лугов, мимо известного всем чугуевцам «кочетовского» колодца кристальной ключевой воды, откуда они привозили воду только для чая. После в церкви поднимали икону и крестный ход с ней, с другими иконами, с многочисленными ярко расписанными хоругвями, крестами на длинных древках, фонарями – все это укра-

шено вышитыми полотенцами, украинскими шерстяными плахтами, вышитыми пестрыми клетками. Все это в сопровождении массы празднично одетого простого – редко городского – народа направлялось через вековой дубовый лес к часовне у криницы, где совершалось молебное служение, освящалась вода у колодца, и каждый участник крестного хода испивал «святой воды», мочил лицо и наливал ее в припасенную посудину, чтобы увезти с собой домой.

Считалось богоугодным для взрослых и детей во время крестного хода пройти, согнувшись, под чудотворной иконой, которую несли на особом помосте.

На воображение 6–7-летнего ребенка вся эта торжественная и малопонятная обстановка производила, конечно, огромное впечатление, и я все допытывался у родителей, кто же сделал эту чудотворную икону, на что получал один ответ: «Это «явленная» икона». Впоследствии я узнал из одной работы АН СССР, что кочетовскую иконку написал в девяностых годах прошлого века один из славных чугуевских иконописцев Шаманов.

Весь уклад и экономика жизни города целиком зависели от основного направления – военного, жили в городе, в основном, тоже военные. После ликвидации военного поселения каждое лето население увеличивалось огромным количеством войск Киевского военного округа (самого ответственного из округов всей царской России, охранявшего наши границы с запада). И в Чугуев на грандиозные по количеству войск осенние и летние маневры собирались пехотные и кавалерийские полки (уланские, гусарские, казачьи), конная и пешая артиллерия, саперы. Пришлые военные части располагались на летние квартиры по окраинам и окрестным слободам, а маневровые операции, сопровождавшиеся смотрами, учебной стрельбой пехоты и артиллерии, кавалерийскими упражнениями и завершалось все это кавалерийскими состязаниями на призы. Сезон маневров заканчивался на ближайшем к городу военном полигоне торжественной «вечерней зарей», т.е. грандиозным ослепительным фейерверком, на котором артиллерийские и саперные пиротехники показывали свое искусство, а в отдельных полках устраивались офицерские балы с приглашением чугуевских «барышень».

Таким образом, город жил интересами военных и особенно бурно в летние месяцы, когда чугуевская торговля и работы по обслуживанию военных учреждений являлись основным источником доходов и заработков.

На маневры в Чугуевский «компонент» нередко приезжали члены царской фамилии и сами цари, и жизнь чугуевских мещан больше оживлялась.

В такой обстановке по существу военизированного города прошли и первые сознательные годы моего детства после переселения родителей из Рабочего батальона на одну из четырех городских улиц – Деревенскую, переименованную при Николае II в Николаевскую.

Родители, конечно, и раньше знали эту городскую обстановку, но для нас с сестрой, детей из Рабочего батальона, четыре улицы с базарной площадью внутри и военными плацами, город представлялся чем-то огромным и таинственным.

Вероятно, мы пользовались сравнительно большой свободой, проводили свое время не только у себя во дворе, но и на улице. Я, кажется, широко пользовался этой свободой и с мальчишеским любопытством старался ознакомиться с этим новым миром, уходя подальше от дома. Если девочки (сестра и соседки) ограничивались играми у себя во дворах или на улице у домов, то мальчуганы 4–6 лет уже не довольствовались узким полем своей ребячьей жизни и частенько из него удирали подальше, чтобы узнать, что же кроется за этими домашними границами и что там делается. Прежде всего, нас, мальчиков, привлекало самое живое и интересное место – базар, когда ежедневно и особенно по базарным дням (в понедельник и в пятницу) мимо нас проезжали десятки подвод с сельским товаром из окрестных слобод и деревень, когда гнали в базарные дни гурты скота (коров, овец, реже – свиней, лошадей и волов), везли зерно, живую птицу – гусей, кур, индюков. Базар находился в пяти минутах ходьбы от нашего дома, – стоило дойти до узенького и короткого базарного переулочка – и базарная площадь открывалась со всеми своими шумами, людским говором, мычанием волов и коров, с возами всевозможных товаров и продуктов, с соблазнительными для ребят глиняными цветными свистульками, деревянными «сопелками» (примитивный украинский

духовой инструмент – деревянная трубка с 5–6 маленькими дырочками). Из животных нас, мальчиков, конечно, привлекали жеребята – мечта каждого из нас, редко претворявшаяся в действительность. Когда, например, отец покупал такого жеребенка и приводил его во двор; как ни запрещалось нам бегать на базар без взрослых, но слабый надзор не мешал туды пробираться и насмотреться всяких чудес, а если было 2–3 копейки в кармане, то и участвовать активно в этом торжище – купить свистульку или два черных сладчайших рожка (привозимое издалека любимое украинское лакомство), или бублик с маком, который можно было надеть на руку и выпечкой которых так славились чугуевские бабы из пригородов.

На базаре можно было пополнить и коллекцию конфетных бумажных оберток с красочными изображениями всевозможных фруктов, плодов и, в особенности, портретов знаменитых русских полководцев и генералов. Чугуевский мальчишка, откуда бы он ни был родом, не представляется без собрания десятков и больше таких разноцветных бумажек – основы азартной мальчишеской игры. На фруктовых этикетках были сбоку напечатаны и названия: малина, вишня, черная смородина, груша, лимон, но часто попадались и замысловатые изображения и названия невиданных ягод и плодов: барбарис, кизил, апельсин и особенно загадочный ананас. Названия фруктов закрывались пальцами, и участники игры должны были их отгадать. При удаче бумажка переходила к отгадчику, в случае неудачи он платил своей бумажкой. За правильное определение этикетки с редкими плодами, например, ананас, персик, платили вдвойне или даже грошик (1/2 копейки). То же было и с красочными генералами, из которых я хорошо запомнил Нахимова, Кутузова, Багратиона, Раевского, Скобелева и почему-то генерала Радецкого (героя турецкой войны 1877 г.). Игра с генералами по понятным причинам была особенно популярна, бумажки с ними на нашем базаре котировались, конечно, выше фруктовых. Иногда приходилось отдавать целую копейку или медовый пряник за недостающего в коллекции героя-генерала.

Познавательное значение такой игры несомненно. Я прекрасно знал внешний вид всевозможных фруктов не туземного происхождения, героев Отечественно войны 1812 г., севастопольских героев

и полководцев недавней перед детством турецкой войны 1877 г. вплоть до Добича Забалканского, а некоторых – например, генерала Драгомирова – я застал в живых и неоднократно видел его, он тогда был начальником Киевского военного округа, уже стариком с контуженой ногой, он ходил всегда с палочкой; это был любимец всех чугуевцев, многие из которых и воевали, вероятно, под его началом и с любовью встречали его у себя в качестве командующего большими маневрами. Любовь к этому заслуженному генералу и впоследствии крупному ученому военному стратегу, вырывалась у них прозвищем, под которым мы, дети, знали его – «Мишка Драгемишка» (его звали Михаилом). Особенно нас занимали рассказы старших о том, как он заканчивал военные маневры: распространился слух, что во время военных операций, охвативших большую территорию вокруг самого Чугуева и окраинных слобод, что генерал Драгомиров скрылся в неизвестном направлении, и его необходимо отыскать. Первым его находил где-нибудь в степи, в овраге или под стогом сена казачий разъезд. Маневры кончались, и офицерство устраивало в чугуевском офицерском собрании большой торжественный банкет с оркестрами, продолжавшийся до утра. Все чугуевцы высыпали на плац возле офицерского собрания слушать музыку и овации любимому генералу. Окна в офицерском собрании были раскрыты, и население как бы негласно участвовало в чествовании Драгомирова, который, как говорят весьма активно участвовал в такого рода пирушках. Не даром про него ходил (и даже где-то был напечатан) такой анекдот. Генерал за свой открытый, прямой и независимый нрав, не пользовавшийся большими симпатиями в придворных кругах, всячески противился введению в подведомственных ему войсках какой-то реформы, сочиненной в Петербургских военных верхах и широко загулял со своим штабом... Об этом донесли царю (Александру III) с соответствующими комментариями. Царь выразил генералу свое неудовольствие запросом: правда ли запустил дела округа? В ответ Драгомиров телеграфно доносит: по случаю царского дня третий день пью здоровье Вашего величества.

Соблазн сбежать посмотреть, что творится на базаре, особенно в базарный день, сдерживался для нас тем, что надо было пройти ко-

ротенький базарный переулок, на который выходили окна и всегда открытые двери двух питейных заведений, попросту – кабаков, всегда набитых посетителями, галдевшими после соответствующей зарядки и на самом переулке часто вступавшими в решительные бои, часто с кровью и телесными повреждениями, так что в переулке нередко валялись тела потерпевшей стороны. Первыми зачинщиками являлись, конечно, мастеровые из Рабочего батальона, которые считали, что базарный день почти что праздник, и их участие в нем тоже почти что обязательно. Проскочить это место на пути к базарной площади даже было страшновато для бойких мальчуганов и не всегда поэтому удавалось.

За длительные отлучки из дому и со своей улицы, особенно на базарную площадь, мне иногда приходилось чувствительно расплачиваться.

Чтобы избежать расчетов за свою любознательность и страсть побродить подальше от дома по неведомым еще местам, был хороший маневр: сбежать к одной из бабушек – или в батальон к Борисихе, или на Смыкалку к бабушке Андреевной. Там-то уж всегда можно было найти ласковый прием и защиту. Ребята из обеих слободок меня знали и нередко соблазняли: ай-да с нами в батальон или на Смыкалку! Дорогу в батальон я и сам знал, а на Смыкалку, которая отстояла от города версты на две, нужны были провожатые. Поход, вернее, бегство с базара вместо возвращения домой, т.е. под крепкую руку беспокоившейся матери, трудноват был именно к бабушке Андреевой на Смыкалку – нужно было спуститься с Чугуевской горы, пройти мимо большого Красного манежа с караульными солдатами и сквозь строй чужих мальчишек пригорода, всегда враждебно настроенных к городским ребятам, перейти речку Смыкалку и снова подняться на крутую гору, пока – часто с потасовкой – доберешься до бабушкиного дома, стоящего в конце слободы.

В одну из таких прогулок, вероятно, опасаясь серьезного возмездия, я решил остаться жить у бабушки Андреевой, с которой жила еще незамужняя старшая дочь тетя Паша. Жившие одиноко в своем доме бабушка и тетя всегда радовались неожиданному гостю. А вырвавшемуся из-под домашней опеки внуку здесь было полное раздолье: у бабушки два больших фруктовых сада, в

каждый можно приводить соседских ребятишек на целые дни, обедаться вишнями, сливами, яблоками, грушами и черемухой. Деревья были старые, большие, лазить по ним – одно удовольствие. У бабушки в погребе был большой жбан с невиданным в городе грушевым квасом. Один сад спускался в глубокий овраг с родниковым ручейком и густыми пирамидальными тополями – любимое место всяческих игр деревенских детей. В доме бабушки пахло сушеными степными травами, геранью, маслом из теплившейся перед старинными темными образами (у нас все образа были «веселого» яркого письма) лампы (бабушка придерживалась старых обрядов и крестилась двуперстием). Сама бабушка Андреева была необычная женщина: она занималась лечением соседей, варила какой-то свой «андреевский» пластырь и мази, а искусство это получила от покойного деда – военного фельдшера. Ее все уважали на Слободе, но, видно, и побаивались ее сыновей – дядя Алеша был, не в пример всем прочим родным и знакомым, каким-то важным петербургским чиновником и носил орден и дворянскую фуражку с красным околышем и кокардой. Когда он гостил у своей матери на Смыкалке, то для слободы это было целым событием. Бабушка и наша семья, конечно, очень гордилась таким членом андреевского рода.

Гошенья у бабушки Андреевой были мне приятны и потому, что на ее улице проживали два моих приятеля-сверстника (Федя и Санька) – двоюродные братья из Борисовского рода. Тут уж была обеспечена постоянная и веселая компания игр, не всегда невинных, а, главное, для походов в дальние прогулки на окраину слободы в места таинственные, например, Преображенское кладбище, где похоронены были оба мои деда, или к большим белым зданиям на горе, по ту сторону оврага – к чугуевскому военному госпиталю, выходившему на широкий Харьковский шлях и в безбрежную степь. Мы не знали, есть ли еще что-нибудь за этим зданием и считали, что дальше «конец света». Страшнее и таинственнее всего были бродившие у госпиталя люди в необыкновенных одеждах: серых халатах и белых колпаках, т.е. выздоравливающие солдаты и офицеры чугуевского гарнизона. Поэтому подойти ближе и рассмотреть было не под силу нашей храбрости.

Было еще одно – уже недозволенное – развлечение: игра в «три листика». Этому научили меня смыкальские друзья. Однажды, узнав, что у меня в кармане есть две или три копейки, – а это целый капитал для нашего возраста – они предложили мне поиграть в эту игру. Неопытный в этой игре – «городской» – расстался со своим капиталом. Кажется, игра велась не совсем чисто со стороны товарищей, они сговорились поскорее перевести в свои карманы все полушки и копейки, которые, несомненно, составляли для них ценность более серьезную, чем для меня: смыколяне были сами бедняки, а мы, городские, имели больше шансов получить от бабушек, теток и дядей такой капитал на конфеты или мороженое. Больше всего, разумеется, нас привлекало мороженое, не только потому, что оно вкуснее пряников и конфет, а потому, как оно продавалось: в летний жаркий день вдруг слышится с улицы призывный голос нараспев: «Мороженое, сахарное мороженое». Все ребята со двора выскакивали на улицу и с восторгом предвкушения взирали на бородатого высокого мужчину в белом фартуке с огромной деревянной кадкой на голове. Кадка снимается на деревянную лавку при доме, разворачиваются какие-то портянки, открывается посоленный лед, в нем два длинных цилиндра с желтым сливочным и розовым клубничным мороженым и стеклянные стаканчики, в которые за одну-две копейки накладывалось мороженое и вручалось счастливчику с белой костяной ложечкой. Мороженое не кушалось, а долго смаковалось, чтобы растянуть удовольствие. Нас поражало, как этот мороженщик ставит снова на голову кадку и спокойно идет дальше по улице, напевая свое сладкое приглашение.

Конечно, жизнь у бабушки была несравнима с условиями городской жизни дома. В конце концов, постигала беглеца родительская длань: приезжала мать и забирала, несмотря на уговоры бабушки оставить меня погостить подольше. «У тебя там и так много ребят дома, а мне с внучком веселее. Я сама приведу его потом домой», уговаривала бабушка. Рано или поздно кончалась моя свободная жизнь, и меня увозили под более строгий надзор с узелком гостинцев и пяточком в кармане от бабушки.

Первое грустное и тяжелое событие (не считая, конечно, расчетов за проказы) случилось со мной в начале моей городской жизни, когда мне было, вероятно, лет пять. Это несчастье врезалось четко в память по своей необычности и, должно быть, сильно повлияло на мою психику. После него, говорят, я стал меньше шалить и держался поближе к дому и к своему двору.

Несчастье это случилось летним вечером, когда мать, бабушка и сестренка сидели на крыльце нашего флигеля, и мать собиралась доить большую рыжую корову, только что вернувшуюся домой из городского стада. Корова незаметно подошла ко мне, и в одно мгновение я очутился у нее на рогах, потом круто приподнят и сброшен через спину на землю. Никто ничего не мог предпринять, я только запомнил ужасное ощущение полета и падения, после которых я потерял сознание: я ударился лбом о камень и сильно поранился, потерял много крови и получил сотрясение мозга.

Мы жили в это время бедно, отдавали в наймы кроме лицевого каменного дома и половину флигеля, в котором занимал только большую кухню с русской печкой и еще одну комнату. В кухне, которая служила и столовой, я и очнулся через день к радости родителей и бабушки.

Окружающая нас, детей атмосфера, у себя дома имела для нашего воспитания много отрицательных сторон. Мы проводили большую часть своего еще не занятого школой времени на своем или соседнем дворе и на улице около дома. В нашем доме всегда жили две офицерские семьи: каменный большой дом занимал старший офицер с денщиками, вестовыми и женской прислугой, денщик и вестовой были и у офицера помладше, который жил рядом с нашей половиной в деревянном флигеле. Оба офицера держали в нашем сарае три или четыре верховых лошади, и мы, конечно, вертелись около конюшни, наблюдая, как ухаживают солдаты за ними – кормят, чистят скребницами и щетками, седлают, подают своему командиру. Для мальчиков это было большим развлечением, и особое удовольствие они получали, когда на минутку сажал кого-нибудь из нас на оседланного коня. Наш двор и скамеечка у дома всегда кишели солдатами. Вместе с офицерской женской прислугой они составляли многочисленное дворовое общество, среди которого мы поневоле

постоянно вращались, наблюдая и слушая в их веселых разговорах много такого, что детям совсем не надо было видеть и знать. При просторе нравов и совершенной некультурности такого общества мы были часто свидетелями таких бытовых сцен, разыгрывавшихся на наших глазах без особой предосторожности, что отрицательное воспитательное значение их для любознательного и восприимчивого детского возраста не подлежат сомнению. Это отражалось и на детских играх между собой, темы которых, конечно, брались из окружающей действительности. На юге между девушками (а большинство их у нас во дворе было из рабочего батальона и других городских пригородов, где массами квартировали солдат) и парнями (главным образом, солдат) взаимное и неизбежное ухаживание носит слишком примитивный и свободный характер обращения друг с другом, особенно когда тон задает бравый солдат, да еще кавалерист – улан или гусар. В такой среде, избежать общения с которой при слабом надзоре со стороны семейных было практически невозможно, у детей (у мальчиков, конечно, больше, чем у девочек) рано развивается нездоровое любопытство и вредное для формирования психики знание о взаимоотношениях женщин и мужчин.

Не очень полезно сказывалось и постоянное общение детей с мастеровыми, которые постоянно работали на нашем заднем дворе, где была мастерская. Рабочие не очень стеснялись в выражениях в присутствии даже «хозяйских» детей, как они привыкли к этому и у себя дома.

Всеми впечатлениями, полученными из той и другой среды, дети делились между собой и развивали свой детский язык, прелести которого родителям приходилось вытравлять соответствующими мерами воспитания.

Слава Богу, я скоро был лишен таких ежедневных впечатлений от быта переднего и заднего дворов, т.к. меня изъяли из этой среды и через несколько лет восьмилетним мальчиком увезли в Петербург, но с явным отпечатком воздействия дворового общества.

Мальчиком, вероятно, 6 лет мне пришлось еще пережить детское горе – расставание с родными, родным углом, товарищами детских игр, к чему, вероятно, я был очень привязан, так горько я переживал эту разлуку.

В 50 или 60 верстах от Чугуева находилась крупная слобода бывших военных поселенцев Балаклеи.

В ней-то и обосновался мой дядя Ефим Борисов по профессии иконописец и его жена-хохлушка из этой слободы тетя Маша. Много лет их супружество было бесплодным. Этот дядя хорошо запечатлелся в моей памяти: очень худой, высокий, почти без растительности на лице, с впалыми щеками и какими-то необычными блестящими глазами, очень раздражительный замкнутый в себе, молчаливый, он на всех производил неприятное впечатление и ко всему этому явно не любил шумливую детвору, к которой он всю жизнь не мог привыкнуть, не имея своих детей. Он болел туберкулезом и умер лет в 50. Прямой противоположностью ему была тетя Марья Ивановна, полная жизнерадостная украинка, кажется, никогда не болевшая, с простым приветливым лицом, всегда веселая, любившая провести в компании, ласковая с детьми. Она тоже побавалась своего больного и, вероятно, нелюбимого мужа, которого ей дали по своему выбору родители.

Дядя этот одновременно с И.Е. Репиным учился у чугуевского иконописца И.М. Бунакова, и, не в пример Илье Ефимовичу, выдержал весь курс обучения, чтобы выйти по настоянию родителей на лучшую по тогдашнему времени жизненную дорогу – стать опытным и самостоятельным иконописцем. Спрос на работу в нашем округе, да и вообще на Украине, иконописцы всегда имели и зимой и летом. У Бунакова обучались не только живописи, но и резьбе по дереву (для иконостасов, иконных киотов) и позолотному делу. Таким универсальным мастером был и дядя Ефим, начавший, как в детстве рассказывала бабушка Борисова, с носки воды для хозяйства и еще более черной работы – растирания масляных живописных красок для иконописания на хорошо запомнившихся мне курантах. Курантом называлось приспособление из гладкой каменной плиты и округлого конусом камня с голову величиной, нижняя – рабочая – часть которого была отполирована. И растирались краски до тех пор, пока на пальцах не будет ощущаться никаких крупинок.

Дядя Ефим обосновался в своем бакалейском доме и устроил в одной большой комнате свою иконописную и позолотную мастерскую.

Репин считал своего учителя замечательным живописцем, который внес в церковную живопись жизнерадостный красочный колорит, чем и прославилась по Харьковской да и соседней Южной губернии школа Бунакова и других чугуевских живописцев. Такими светлыми гармоничными красками отличалась и иконопись дяди Ефима. Я отлично помню один из подаренных моему отцу в день его женитьбы именной образ Алексея божия человека, который скорее можно было назвать светской картиной, а не религиозным произведением, так приятно и живо было написано и лицо святого, и его одеяние. Так же колоритно была написана и небольшая светская картина (копия с известной картины не помню какого художника тех времен) – «Спасение полкового знамени», пользовавшаяся большой популярностью. Эта картина до самой Октябрьской революции хранилась как память о дяде в нашем доме. Она изображает умирающего от ран солдата-знаменосца, передающего полковое знамя оставшемуся в живых товарищу. Нас, детей, очень привлекала эта живая картинка, да еще написанная неизвестным тогда нам дядей Ефимом. Скоро судьба свела меня с ним.

Однажды зимой к нам приехала погостить одна тетка из Балаклеи, привезла нам деревенских гостинцев, много возилась и играла с нами, и никто из детей не подозревал, что она окажется похитительницей одного из нас. Очевидно, она упростила мать отпустить меня с ней в Балаклею, где, между прочим, обещала научить и первым начаткам грамоты.

Запомнилась мне нерадостная картина: на улице перед нашим домом стояли сани с ковровой спинкой, меня закутывают в какую-то ярко-желтую меховую шубу, прощаются мать, бабушка и сестры, и сани трогаются, и я вольно или невольно покидаю родительские пенаты, вероятно, со слезами и рыданиями. У меня, как говорили родные, всегда глаза были на мокром месте. Повышенная чувствительность так и осталась в моем характере на всю жизнь. С другой стороны, задеты были и другие струны моей натуры – любовь к новым местам и новым впечатлениям, вероятно, ослабила горестные переживания разлуки с домом и близкими. Дорога длинная и на переезд по открытой степи понадобилось время с ночевкой.

Снова я попал во внегородскую обстановку и из этого периода годового пребывания в Балаклее сохранилось только несколько радостных и грустных событий.

У дяди была большая усадьба с огромным пустынным двором и обширным сараем – вероятно, этот дом у прежнего владельца приспособлен под постоянный двор и находился при самом въезде в деревню против каменной церкви с глухим каменным забором и церковным садом, недоступным для игр ребят.

Первое знакомство с дядей Ефимом было не очень приятное – он показался мне страшноватым и неласковым. Все его интересы были связаны с мастерской, где писались малые и большие образы церквей, изготовлялись и золотились резные киоты. Но для меня это была запретная зона в доме и только украдкой я заглядывал в нее и видел непонятные вещи – треноги с полотнищами будущих икон, начатые изображения святых и целые сцены из священной истории, краски в баночках, большие и малые кисти и особенной заметные деревянные лодочки с маслом, рамы с белым слоем гипса, подготовленные для позолоты, маленькие книжечки папиросной бумаги и тончайшие пленки чистого золота между бумажными листками и ручки с роговыми кривыми наконечниками, которыми полировалось позолота на рамах. Особенно занятно было смотреть, как дядя или его ученик плоской широкой сухой кистью брали эти золотые пленки, непонятно прилипавшие к кисти, и накладывались на белый гипсовый слой рамы и затем превращавшиеся в блестящую позолоту на ней.

Все это так поражало мое воображение своей необычностью и загадочностью, что я старался не оказывать своего присутствия в мастерской и жадно следил за всеми манипуляциями. Дядя очевидно к своему иконописному делу относился с большим пиететом как к работе большого духовного значения. Он, несомненно, был верующим человеком.

В мастерской была тишина, хорошо пахло кипарисовыми досками, вареным маслом, красками и особенным запахом вареного на клею гипса или мела для покрытия киотов.

Ни до чего дотрагиваться мне, конечно, не позволялось и, когда я нечаянно опрокинул деревянную лодочку с маслом, стоявшую у

подрамника на мольберте, я был немедленно за уши удален из мастерской. Все виденное заронило во мне какую-то искру к искусству, которую дальше никто не поддержал, хотя склонность к рисованию и интерес к картинам сохранились во мне на всю жизнь.

Рядом с домом дяди находилась, отделенная плетнем, хата, где молодая учительница (и сейчас помню ее имя – Зинаида) обучала азбуке, слогам и первым опытам чтения деревенских ребятишек, в число которых тетка Маша отвела и меня. В этой сельской начальной школе я и приобщился к начаткам грамоты и писанию сперва палочек, а потом букв и цифр на грифельной доске – подарок заботливой тетушки.

Зинаида, учительница, отнеслась ко мне тепло как к ребенку, оторванному от родной семьи и попавшему в дом к больному и раздражительному дяде. Вероятно, она была красивой и ласковой девушкой, и я ее нежно полюбил как родную сестру и тайком любовался ею, когда она заходила к тете. Это чувство было даже не детски-наивным, а встречи с ней во внешкольной обстановке как-то поособому волновали меня, очень застенчивого тогда мальчика.

Свободное время проходило в играх с деревенскими ребятами, но они смотрели на меня как на барчука из города, и я больше бродил один. Из разговоров дяди и тетки я узнал еще об одном дяде со стороны отца Александре Борисове, который служил на мельнице у богатого хохла, недалеко от Балаклея. Этого молодого дядю я не знал совсем, он был старше меня лет на 10 и тогда я и не подозревал, что он меня помнит, когда мы все жили в «батальоне» у бабушки, его матери Анисьи Романовны, что он будет впоследствии моим самым близким другом на долгие годы, до самой смерти, уже при Советской власти.

Первую радость в балаклейской годовой жизни, довольно монотонной, я и получил от этого дяди Саши. Летом как-то тетка Мария Ивановна вручила от него подарок, присланный с каким-то крестьянином из д. Кременной, где жил этот незнакомый мне еще близкий родственник.

Трудно представить себе мою радость, когда я сделался владельцем невероятных вещей: настоящего маленького железного топорика, молотка, стамески и рубанка – все это было совершен-

ной копией инструментов взрослых рабочих, вполне годных к столярной работе. Мне, сыну столяра из Рабочего батальона, с детства привыкшего видеть, а иногда и держать в руках эти орудия ремесла, особенно был дорог: теперь я могу сам пользоваться прекрасно сделанными, не бутафорскими, а «всамделешными» инструментами, независимо от взрослых, что немедленно и было выполнено.

На дворе было много всяких мелких обрезков дерева, их можно тесать топориком (хорошо к тому же наточенными), строгать рубаночком и обрабатывать стамеской с молотком.

Восторгам не было бы конца, как и хвастовству перед деревенскими мальчуганами, которым и не снился такой клад, если бы не слишком азартное увлечение новой игрой: обтесывая кусок палки топориком, левой еще не опытной рукой (я был левша) я не сообразил, что правую руку нужно держать подальше от места удара; вместо палки топор вонзился в указательный палец правой руки на третьем суставе (я пишу сейчас и вижу на нем большой еще сохранившийся шрам). Палец прорублен до кости, льет кровь, отчаянный крик, выбегает тетя Маша, завертывает палец передником и тащит меня к старому сараю, бросается собирать там паутину, и обкладывает ею рану, ведет домой и там туго перевязывает чистой тряпочкой с деревянным маслом.

Но трагедия на этом еще не кончилась. Дядя узнает всю печальную историю со слишком деловитым использованием подарка, снимает с пояса ремень, зажимает мою голову в своих коленях и прописывает хорошую ижицу на предназначенном для этого очень удобном месте. Позже я познакомился со старинной поговоркой, относящейся к этой процедуре: «ижица, ижица, ремень к заду близится».

Инструменты были, конечно, отобраны с запрещением ими играть и в будущем.

Но будущее скоро снова у меня переменялось: дядя стал серьезно прихварывать, и тете было уже не до возни со мной – меня увезли домой в Чугуев, а я увез из Балаклеи сознание, что где-то у меня есть добрый дядя Саша, а рядом с тетей Машей живет чудесная Зина – учительница, которая произвела не меня такое непонятное, но сильное впечатление.

Обратное путешествие по степной дороге летом очень утомительно своим однообразием, отсутствием лесов.

В то время большая часть степных пространств не запахивалась под сельскохозяйственные культуры, а оставалась под пастбищами и степными суходольными сенокосами. Изредка попадались по дороге дубовые рощи, на склонах большие украинские слободы.

В зимнее время по таким степным «шляхам» путешествие в одиночку становится даже рискованным. Вот, что случилось однажды с таким одиночным проезжим моим новым дядей Сашей. Он теперь выехал в хороший солнечный, но сильно морозный день на саних с одной лошадейю хорошо защищенный от мороза волонками, шубой и сверху еще большим до пят овчинным тулупом с меховым воротником.

Подреывая на саних, он далеко уже отъехал от Слободы; лошадь спокойно трусила рысцей и не чувствуя понукающих вожжей решила остановиться по своей нужде. Ездок очнулся и, выжидая когда конь справится со своими делами, решил сойти с саней и немного поразмяться, бросив вожжи в сани и пытаясь на ветру закурить. Лошадь незаметно тронулась, дядя еще минуту провозился с закуриванием и пошел следом, чтобы согреться. Слыша сзади поспешный топот человека, конь побежал рысью. Попытки заставить криком «тпру» остановиться ни к чему не привели – лошадь продолжала все бойчее бежать, а ездок выбивался из сил, отставать от нее. Сбросив сперва тулуп, потом и шубу, чтобы поскорее догнать сани, седок совсем обессилил и в ярости только кричал, ругался на уходившую лошадь, бежать уже не мог и чувствовал, что замерзает в безбрежном пустынном снежном океане без признаков живого и жилья. Холод заставил дядю вернуться назад, к тому месту, где он бросил шубу, но найдя и надев ее, он еще больше удалялся от лошади и почувствовал всю безвыходность своего положения. Присматриваясь к едва уже заметной точке саней и лошади, седок питал надежду, что он доберется все-таки как-нибудь до лежавшей на пути единственной деревни Андреевки, если хватит сил двигаться без остановки. Но мороз крепчал, вечером и поднималась поземка в степи, застилавшая видимость в 10–20 шагах – только чудо или счастливый случай могли спасти одино-

кого человека, еле бредущего в тяжелой шубе, которая перестала греть. Спасенье оказалось в той лошади, которую седок уже не надеялся увидеть: конь, тоже, вероятно, утомившийся, остановился задом к ветру и метели и должно быть раздумывал, не чувствуя в саних ездока, ни его голоса, ни понукание вожжами. Ездок сверх всяких ожиданий и надежд наткнулся на сани, успел схватить вожжи, понял, что он спасен и отдышавшись повернул назад искать брошенный тулуп, не нашел его под снегом и снова повернул обратно и, держа в руках вожжи, долго бежал рядом с лошадьёю, чтобы немного согреться, а потом бросившись в сани дико хлестал лошадь кнутом и вскачь мчался по занесенной снегом дороге, пока не наткнулся на какой-то тын в деревне и в полусознательном состоянии, потеряв голос на морозе, достучался в окно хаты до хозяев. Это путешествие не прошло дяде даром с его не очень крепкими легкими.

Осенью того же года, учитывая, что я уже получил зачатки грамоты в виде азбуки и чтении по слогам, родители решили, что я проявил в этом отношении кое-какие способности и можно уже обучать меня и дальше, чтобы поменьше болтался взрослый мальчуган (мне было около 7 лет) по улице и не убегал к бабушкам.

Событие совершилось в туже осень; в городе было городское 4-х классное училище, но я не подходил туда по возрасту и бесплатная сельская двухклассная школа, куда обыкновенно направлялись дети из ближайших пригородов, в которых своей школы не было, например, из Рабочего батальона; много училось в ней и городских детей из бедноты, не претендовавшей на большее для своих ребят, чем научить их чтению, немного счету и писанию. В этой сельской школе учился и мой отец, и я проучился один год, памятный мне до сих пор по методам обучения. Всем светским предметам учил в ней один учитель, а закон божий – кто-то из церковников, вероятно рангом не выше дьячка.

Школа была расположена на отлете за городом «на выгоне» у большого тракта из Харькова на Ростов, т.е. на очень бойком месте: по нему тянулись целые обозы из деревень – на базары Чугуева или Харькова.

Руками и с предательской лозинкой в них, нараспев диктовал пишущим «волосная – рез». Это обозначало, что нужно было сперва изобразить тонкую косую линию («волосную»), а потом с нажимом написать более толстую «прямую». Плоды горького обучения в сельской школе у Ивана Федоровича Кобезева были, вероятно, достаточны, чтобы после одного учебного года меня можно было поместить в более культурную школьную обстановку. В городе было открыто четырехклассное городское училище с педагогами иного типа, чем дореформенный старый Кобезев. Заведующий школой имел, очевидно, более подходящее педагогическое образование и приемы воспитания – в школе не было ни «гороха», ни наказания линейкой и обращение с учениками не было похоже на методы старой бруссы. По крайней мере, мы, ученики городского училища, без страха взирали на своего учителя Александра Александровича Александрова, дочь которого я знал много позже, как научного работника (метеоролога по специальности) в Пушкинском сельскохозяйственном институте, где я проработал в качестве профессора тридцать с лишним лет.

У Александра Александровича я получил первые сведения о «природе», о которой мы и не слышали в сельской школе с ее схоластически и бессмысленной зубрежкой правил, молитв и историй из Закона божия. Мне было уже 8 лет и мое отношение к окружающему меня миру становилось уже более осмысленным и сознательным, а любопытство и любознательность, помимо новых школьных впечатлений, искали объяснений проявлений жизни круга, в котором я вращался. Мне непонятно было уже ясное ощущаемое мной разделение людей моего круга на бедных зависимых и богатых командующих людей. Почему-то мои родственники из Рабочего батальона приходили на работу к отцу как к «хозяину», мол тетка Викторова, выданная замуж бабкой, еще до моего рождения за печника, появлялась у нас в доме в качестве прачки, а дядя Андрей (столяр по профессии) работал у отца по найму, жил в батальоне и каждый день приходил к нам работать в столярную мастерскую и обедал не с нами за столом, а на кухне со стряпкой и дворником.

Особенно врезался мне в памяти один известный по Чугуеву персонаж – худой старик, хохол, по-видимому, бродячий деревен-

ский музыкант, худо одетый, которого прозывали взрослые нежно-го презрительно «Курочка рябенька». Мы, дети, его очень любили за его веселые песенки, которые он старческим, всегда подвыпившим голосом пел в сопровождении самодельной скрипки. Этим прозвищем его, очевидно, наделили за веселую песенку о «Курочке рябенькой», которую он всегда пел на базаре и по дворам. Куда его для развлечения дети охотно пускали. За пение его чем-нибудь кормили, иногда давали гроши и копейки. Что-то было в его жизни тяжелое и связанное с потерянной семьей, потому что к нам, детям, он относительно с трогательным чувством и, играя днем «Курочку рябеньку», в которой фигурировали маленькие дети, он плакал, приговаривая «Ах, деточки мои, деточки».

Для взрослых он выполнял другой репертуар, часто не только веселого, но легкомысленного, а иногда и прямо порнографического характера, за что получал стаканчик водки, из которой и сделался кабацким завсегдатаем, увеселявшим загулявший народ. Удивительно, что собранные копейки он часто раздавал слушающим его ребятишкам.

Отношение к нему взрослых действительно было насмешливым, полупрезрительным, а нам, детям, его было жалко.

Нехорошим было отношение всех классов чугуевского населения к многочисленным евреям, которые вышли из кантонистов ремесленников военного поселения и после него осевшие в городе в качестве частных портных, модельщиков, жестяников, мясников и просто «факторов» – исполнителей всевозможных поручений. Большое число военных и офицеров, по-видимому, обеспечивало этих «факторов» на все руки. Продажа домашних вещей, ссуды под залог и разные «секретные поручения», участие в мелких торговых операциях на базаре и всякого рода посредничестве.

К крещеным евреям из кантонистов, имевшим свое «дело», например, к известному военному портному Чаплыгину, другу детства И.Е. Репина, обыватели и русские, и украинцы относились гораздо лучше, а некрещеные «жиды» постоянно были предметом шуток, насмешек и даже издевательства. Особенно отличалось в этом отношении офицерство небольшого ранга. Вот один показательный пример. На нашей Деревенской улице однажды под вечер

на почтенном бородатом еврее проехался верхом подгулявший офицер на пари с товарищами – вся улица, конечно, сбежалась посмотреть на такое необычное представление и посмеивалась веселой выдумке военного, заплатившего за нее еврею какую-то мзду (и, вероятно, очень небольшую). Зрелище не вызвало никакого протеста ни с чьей стороны и только в порядке военной дисциплины офицер за езду на непопозволенном коне, вероятно, получил скромное взыскание.

Я сам был свидетелем грубой шутки моего дяди над евреем, зашедшим к нам в дом по какому-то комиссионному делу в летний очень жаркий день и попросившим напиток. Ему дали кружку воды с большим куском льда и, когда вода была выпита, еврею заставили положить на голову под свою ермолку лед и пройти по нашей улице под веселый смех не только детворы, но и взрослых.

Все эти гримасы провинциальной жизни нехорошо ложились на психику младшего поколения, и у меня вызвало непонятное недоумение, почему такая разница между бедными и богатыми, русскими и евреями, штатскими и привилегированным военным населением города? Военные (офицерство), всегда дававшие чувствовать обывателям свое превосходство, позволяли себе иногда и в своей среде от безделья поступки, не вязавшиеся с таким «превосходством».

Однажды летней ночью наша улица была разбужена звуками военного духового оркестра, игравшего похоронный марш. Ребятишки первые выбежали за ворота, а за ними вышли и взрослые узнать, кого же это ночью могут хоронить. Действительно, из дома, по соседней Харьковской улице, где квартировал военный чин, вынесли открытый гроб с лежащим в нем офицером в нижнем белье в сопровождении оркестра и группы товарищей, наполовину раздетых. После старшие рассказывали, что у какого-то ротмистра была серьезная пирушка, в конце которой загулявшая компания за какую-то провинность по части выпивки решено было молодого офицера наказать. Вызвали полкового фельдшера и компания заставила проделать над виновным (вероятно, для видимости) операцию с клистирной трубкой, от чего больной должен был перейти на положение мертвого, лечь в приготовленный гроб, отпет пьяными товарищами со стаканами вина, и под звуки траурного марша

беднягу вынесли на улицу, где и открылась похоронная процессия. Попытка кончилась гауптвахтой для участников ее и, в том числе, и для мнимого умершего. Так веселилось тогдашнее офицерство.

Передавали и другой случай развлечений. На Дворянской улице в верхнем этаже офицерского собрания также была пирушка и офицеры поспорили, кто из них на коне в полной форме может появиться в пиршественном зале. В гусарском полку был прославленный наездник (его фамилию я запомнил – Гамов), который блестяще выполнил въезд на второй этаж под гром аплодисментов и, выпив в зале бутылку вина, также торжественно спустился вниз, показав образец высокого кавалерийского искусства.

В 1885 г., когда мне было 7 лет, я не подозревал, что это будет в моей жизни последним годом жизни в родной семье. Летом на каникулах было много развлечений – частые путешествия с кем-нибудь из приятелей на строительные отцовские работы в городе, к бабушке Андреевой на Смыкалку или на р. Донец купаться. В середине лета на выгоне за гордом устраивалась перед уборкой хлебов ежегодная ярмарка, на которую съезжалось много деревенского народа из близких и дальних слобод. Был большой торг всякими крестьянскими и городскими товарами; весь город в течение 3 дней высыпал на ярмарку, на которой горожане запасались деревенскими изделиями (кадками, ушатами, горшками, всякой живностью – курами, гусями, индюками, поросятами), свиным салом, маслом и овощами, а городские землеробы покупали волов, коров, телеги, сбрую и пр. Чугуевская ярмарка славилась своей многолюдностью и обилием всяких товаров; местные купцы вывозили мануфактуру («красный товар»), галантерею, скобяные и другие железные изделия, бакалею и открывали питейные палатки. Заезжие «колезиянты» в своих палатках давали представления, бродячие музыканты разыгрывали на скрипках и бандурах украинские песни, группы слепых пели духовные стихи, сидя на земле с деревянными чашками для сбора подаяний; фокусники и шпагоглотатели показывали непостижимые вещи, цыгане-барышники на «скотской» площадке продавали коней, мужики из деревень – коров, телят и волов. Целые дни на Ярмарке стоял неумолчный гомон, крик, ржанье коней, мычанье коров и волов среди общей тол-

котни и давки, песен подгулявших, споры торгующихся. Для горожан Ярмарка была настоящим праздником, и считалось хорошим тоном выходить или выезжать на нее всей семьей и, в первую очередь, посещать «ятки» – небольшие палатки со столами внутри, где угощались традиционным, украинским ярмарочным блюдом «сластенами» (оладьями), которые тут же у палатки на самодельном таганке готовили чугуевские женщины, обычно торговавшие на базаре белыми булками, пирогами и бубликами своей выпечки.

Для ребят, да и для взрослых, угощение «сластенами» было всегда обязательным ярмарочным угощением, которое «с пылу, с жару» поедалось в большом количестве. Сластены готовились так: женщина «сластенщица» сидит на скамеечке переел таганком или маленькой печкой с железной плиткой и рукой из деревянной кадки берет в ладонь порцию кислого пузырящегося белого теста выжимает из отверстия согнутой рукой три шарика теста, которые и сбрасывает один рядом с другим на раскаленную сковородку с кипящим подсолнечным маслом; три шарика вздуваются, спекаются друг с другом, поджариваются с обеих сторон и румяные тройнички складываются на деревянную тарелку. Когда тарелка заполнится верхом «сластенами», их пересыпают крупной солью и ставят на стол перед угощающейся публикой, которая при посредстве двух пальцев (редко вилкой) и справляется с этим блюдом без приложений, а чаще сопровождая эту закуску и выпивкой.

Нас детей особенно занимал процесс изготовления оладьев – по праздничному одетая «сластенщица» с засученными рукавами поразительно ловко выдавливала шарики рядом друг с другом на сковородку, быстро переворачивала их, чтобы зарумянилась и наружная сторона, обсыпала гору готовых «сластен» солью и ставила перед гостями на стол и певучим голосом все время призывно выкрикивала: «Вот горячие, вот румяные...»! Вкус этих сластен на воздухе казался замечательным, и ими угощались до предела – это тоже считалось хорошим тоном. После такого угощения уже шли прогуливаться по рядам ярмарки – по красному ряду, по горшечному с его ярко полованными (глазированными), то красными, бурыми, то зелеными гончарными изделиями, по ряду с деревенскими «кадушками», бочонками, шайками, ведрами и пр. В горшечном ряду дети обяза-

тельно получали красивые по расцветке свистульки в виде петушков, овечек и лошадок и к общей симфонии ярмарочных звуков прибавлялся звук гончарных свистулук и деревянных «сопелок» – украинских музыкальных инструментов. Конный ряд на ярмарке, конечно, был не менее заманчив для мальчишек; особенно интересно было посмотреть на торговлю лошадьми, где проявляли свое искусство цыгане-барышники с предлинными кнутами: тут и проводка лошадей и лихая проездка их верхом и осмотр оскаленных зубов, подпятья, хвостов и биение о землю шапок и картузов перед тем, как окончательно уговориться в цене, тут же и мена лошадей между хитрым цыганом и простым селянином, искавшем в обмен на свою устаревшую кобылку доброго для работы боле молодого «коняги», споры о «придаче» и т.д. Все это было так живо, крикливо и насыщено движением, ругательствами, заклинаниями «такого коня в жизнь тебе не найти и за такую цену», что оторваться от конного ряда было невозможно мальчугану. Случались и обидные разочарования после покупок и смен лошадей.

Помню, как однажды отец, любитель лошадей, привел с ярмарки домой рабочую рыжую лошадку, которую он почти «задаром» купил у цыгана-барышника. Лошадь эта выглядела вначале сносно и была предназначена для возки с Донца домой и на работы. Животное было настолько смирно, что мы – дети часто возились с ней, водили за повод по двору и даже осмеивались садиться верхом. Странно только было, что сама она на свободе все стояла посреди двора. Только позже дворник, возивший на ней воду, убедился, что дешевая лошадка была слепа на оба глаза.

Большую радость нам доставила другая покупка отца – маленький жеребенок, которого он купил на базаре верно под веселую руку для забавы ребятам, против чего восстала мать, особенно когда жеребенок подрос и стал сбрасывать юных ездоков. Пришлось эту живую игрушку ликвидировать.

В это последнее лето, проводимое мной в семье, случилось еще одно памятное событие – результат моих более смелых походов за пределы Чугуевской горы на Донец. Очевидно, меня уговорили другие ребята пойти с ними на реку купаться. Этого удовольствия я еще не испытал. Родители часто летом ездили ку-

паться в городские купальни и брали нас с собой, но это купание было мало интересно: тебя раздевали в купальной кабинке, брали на руки и в огражденной со всех сторон купальне окунали несколько раз в воду, не выпуская на свободу. С мальчишками дело другое: выбиралось местечко на берегу и ребята со смехом, криком бросались на другой берег неширокой речки. Я – как не умеющий плавать, плескался на мелком месте и вдруг оступился в какую-то яму и погрузился с головой, никто этого не заметил, т.к. ребят кругом близко не было; чувствую, что стремительно ухожу ко дну и барахтанье не помогает (настоящих плавательных движений руками и ногами я еще не знал) и только коснувшись дна, я почувствовал, что я «утонул». И дышать нечем, и рот полон воды. Тут уж пришел на помощь инстинкт – скорее оттолкнуться от дна и проделывать конвульсивно какие-то движения, чтобы вырваться на воздух и вздохнуть. Это удалось, я закричал, что называется, «благим матом», а руки и ноги действовали так, что я очутился на мелком месте, отдышался и понял, что я спасся. Приплывшие на мой крик ребята допытывались: тонул ли я. Не желая сознаться в собственном страхе, я ответил, что «я выплыл сам из ямы». С тех пор я действовал руками и ногами как нужно, чтобы по-настоящему плавать.

За овладение искусством плавания, о чем рассказывали мои товарищи – «вот как мы Петьку Борисова научили плавать» – я получил сперва должное возмездие, чтобы не повадно было шататься на Донец с мальчишками и запрещение ходить купаться без взрослых. В первый же выезд с матерью в городскую купальню я ей мог уже продемонстрировать свое умение держаться на воде, хотя и под бдительным ее надзором.

Большую часть свободного времени мне приходилось теперь проводить на дворе или на улице у своего дома. Отошли в прошлое путешествия к бабушкам в батальон и на Смыкалку – обе бабушки жили теперь в городе, одна у нас, другая бабушка Андреева – у только что вышедшей замуж тети Паши на нашей же Деревенской улице в нескольких минутах от нас. Тетя Паша теперь носила фамилию Попова по мужу, торговцу москательным товаром на Чергуевской базарной площади. Можно было сбегать к бабушке

Андреевой в теткин дом, поиграть в большом огороде и саду, получить от нее угощение, а иногда и несколько копеек летом на «сахаро-мороженое», сходить к новому дяде в лавку на базар и если там сидела и тетя, собрать от нее жатву в виде базарного гостинца и посмотреть, как из бочки (металлической трубкой с раздувом-ливером) накачивают покупателям то керосин, то вареное масло для масляных работ, то отпускают в пузырьки какого-то масла «оленевого рога» для лечения коров и лошадей, то на стекле пробуют колера масляных красок и т.д.

Окружающее детское общество по-прежнему состояло главным образом из соседних девочек и своих сестер и играть с ними у себя или у них во дворе, что сравнительно с ними уже взрослому мальчику 8 лет было скучновато, да и не совсем полезно при рано развившемся любопытстве к непонятным особенностям девочек и желанию понять их. А на это как я сказал постоянно наталкивали ежедневные наблюдения над поведением взрослых обоого пола солдат и служащих наших квартирантов. Любопытство и с той и с другой стороны, меньше, конечно, со стороны девочек, приобретало, как теперь представляется и не совсем дозволенные формы, раз нужно было скрываться от больших. Девочки-соседки были дети совсем простых родителей и по своему развитию отставали от ученика городского училища. Правда, были еще соседские девочки другой среды; к их двору сзади примыкал наш задний двор, отделенный высоким сплошным забором. Семьи наши были незнакомы, две девочки были дочерьми какого-то важного военного и общение с ними ограничивалось взаимным наблюдением через забор, вопросами, как вас зовут и приглашением перелезть к ним на двор. Но их двор был всегда пустой, поросший густой травой, как будто и не живой, и девочки были очень застенчивы и боязливы. Так с ними и не удалось подружиться, хотя они мне казались по своим всегда чистеньким костюмам, прическам и общему облику детьми из какого-то другого мира.

Позже, уже гимназистом первых классов, я встречался с этими девочками Гусевыми, и старшая из них на меня произвела очень сильное впечатление своим милым лицом и манерами воспитанного подростка.

В конце 1885 г. мне уже объявили родители, что я поеду в Петербург к дяде Алеше, который там меня отдаст учиться в гимназию. Горю не было конца и слезам также. Я инстинктивно чувствовал, что в моей жизни наступает какой-то страшный перелом, что уходит от меня и все меня окружавшее, начиная от родных, уходит хорошее время с шалостями, играми, школой, к которой уже привык, знакомыми ребятами и девчонками, и наступает неизвестное, в котором мое воображение рисовало достаточно ясно фигуру холостого, педантичного и строгого дядю Алеши, который должен занять в моей последующей жизни место родителей, бабушек и тетушек. Как ни тяжело ощущались предстоящие перемены, я перед своими сверстниками чувствовал себя каким-то героем – я уезжаю в сам Петербург, хоть на душе и скребли кошки, когда вспомнишь приближение роковой минуты расставания. Все старались чем-нибудь смягчить остроту моих переживаний, родители заботливо снаряжали в путь-дорогу, меньше обращали внимание на мои поступки и шалости, бабушки и тетушки закармливали сладостями, в первый раз в жизни в моих руках очутились серебряный полтинник или рубль от тети Паши; столяр дядя Андрей сделал мне полированный дубовый пенал, потом десятки лет хранившийся у меня, в кармане оказался новенький перочинный ножичек. Девочки и уличные дружки смотрели на меня как на отрезанный уже ломоть от их компании и, вероятно, видели во мне что-то недостижимое для них, и я сам себе казался уже отщепенцем и от семьи и от друзей недавнего детства, как будто я уже вырос из него.

Хуже всего в моих переживаниях было то, что я уезжал из родного дома не с кем-нибудь из родных, а с чужой тетей Натальей Михайловной Ян, которую я к тому же очень мало знал, хотя она и проживала на нашей улице в своем поселенческом домике, и была в нашей семье известна под именем «Янша».

Это была уже на возрасте полная, цветущая дама из «благородных» – вдова военного чиновника, знакомого, а, может быть, и товарища по учению в «кантонистах» дяди Алеши, который в свой последний приезд к нам Чугуев и договорился с нею о доставке меня, когда мне исполнится 8 лет, к нему в Петербург. Эта дама уехала в Петербург хлопотать о своей пенсии после смерти мужа и об устройстве ее взрослых трех дочерей.

Почему мне выпала такая судьба – расстаться со своим родным гнездом было непонятно тогда. Впоследствии было ясно, что отец, у которого к этому времени было уже четверо или пятеро детей, не смог бы по своему состоянию дать мне образование больше городского училища, а мать стремилась к тому, чтобы ее первый сын «вышел бы в люди», как и ее любимый брат Алеша, дослужившийся до почтенного чиновничьего звания и до личного дворянства, т.е. стал человеком «благородного» и вышел из мещанского звания.

В те годы жестокой реакции после убийства Александра II уже мне обозначилось отношение царского правительства к людям, так называемым «податного сословия», к которым принадлежали мещане – им по мере возможности всячески закрывался путь к среднему и тем более высшему образованию. Министр народного просвещения Делянов уже произнес свою знаменитую фразу о «кухаркиных детях», для которых не нужна даже гимназия.

Материальные возможности семьи, ежегодно разраставшейся, не позволяли мечтать об этом, если бы петербургский далекий дядюшка не решил сам помочь сестре, взяв меня на полное свое иждивение. С этой целью было добыто мое метрическое свидетельство из Чугуевского собора, где я был крещен.

Из Чугуева до Харькова нужно было ехать 36 верст на лошадке, а дальше по новой железной дороге на Курск – Москву. Разлука с домом смягчалась тем, что нас провожали мать и отец. Ни впечатлений от невиданного до тех пор большого губернского города, ни о железной дороге, ни о минутах расставания в моей памяти ничего не сохранилось – вероятно, я был подавлен совершившимся настолько, что только помню слезы матери и наставления отца не отходить от сопровождавшей меня тети. Чувствительный и плаксивый мальчик, каким был я в детстве, должно быть только и думал, что он теперь никогда уже своего дома и близких не увидит, а как жить у почти незнакомого дяди и что такое «гимназия», куда его собираются отдать – все это было скрыто в неизвестности. В Петербурге нас встретил этот таинственный дядя, и так как дело было в разгар лета, то он и увез меня к себе на дачу в Левашово или Шувалово по финляндской железной дороге, где он нанимал у хозяйки одну комнату.

Так кончился первый этап моего детства и началась жизнь вне обычной нормальной семейной обстановке с новыми совершенно чуждыми бытовыми условиями и людьми, жизнь не веселая и одинокая, единственным утешением которой в первое время были свидания с дядей Алешей, по своему любимшим меня и стремившегося «вывести меня в люди». Перелом судьбы, как я чувствую теперь, определил и дальнейшее развитие моего характера, замкнутого по необходимости, в обстановке почти полного одиночества.

В.В. Щипцов

ПАТРИАРХУ КАРЕЛЬСКОЙ ГЕОЛОГИИ П.А. БОРИСОВУ 135 ЛЕТ

Патриарх карельской геологии, выдающийся ученый и педагог Петр Алексеевич Борисов родился в г. Чугуеве Харьковской губернии 28 декабря 1877 г. (по старому стилю) или 9 января 1878 г. (по новому стилю), профессор, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки К-Ф ССР, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Родители Петра Алексеевича в возрасте 8 лет отправляют сына в Петербург для получения образования. Перед поступлением в университет он заканчивает столичную гимназию. В 1903 г. окончил Петербургский университет кафедру минералогии и был оставлен при кафедре минералогии Петербургского университета для подготовки к преподавательскому званию. 1904 – 1912 гг. – ассистент при кафедре минералогии Петербургского университета и ученый хранитель музея кафедры. 1912 г. – кроме университета, читал лекции на педагогических курсах Фребелевского общества. 1913–1922 гг. – профессор на кафедре геологии Каменноостровского сельско-хозяйственного института в Петербурге. С 1922 г. по 1930 г. профессор Пушкинского сельскохозяйственного института. В период работы в ВУЗах им составлен ряд руководств и учебников по минералогии и кристаллографии, геоморфологии и агрономической геологии.

В своей автобиографии П.А. Борисов писал: «Интерес к вопросам геологии Карелии был заложен моими учителями проф. А.А. Иностранцевым и проф. Ф.Ю. Левинсон-Лессингом. По предложению профессора Иностранцева свои первые шаги в 1906 г. я направил в район Повенецкой губы Онежского озера для геолого-минералогических исследований в окрестностях Шуньги, Медвежьегорска и Повенца... Первые мои печатные работы по результатам этих исследований были опубликованы в трудах Петербургского Общества естествоиспытателей в 1907 г. («Кристаллы полевых шпатов в доломитах окрестностей г. Повенца» и «Кубические кварцы из Шуньги и Волкострова в Олонецкой губернии... В 1909 г. Олонецкое губернское земство поставило вопрос о давно назревшей необходимости железнодорожной связи Карелии с Петербургом и с этой целью предприняло научную работу по статистике – экономическому обоснованию края. Мне было поручено геологическая часть этого обследования, за которую я принялся с большим увлечением...»

В 1910 г. была опубликована работа «Очерк геологии и полезных ископаемых Олонецкой губернии». После Октябрьской революции он консультировал работы по строительству железных дорог в Сибири. Чувашской АССР и на Волыни.

На протяжении длительного периода (1922–1940 гг.) П.А. Борисов был связан с Кольской землей, включая его участие в геологических экспедициях. В начале он получал геологические поручения Мурманской железной дороги, поэтому его работа на территории Мурманской области целиком зависела от Управления Мурманской дороги, которое было заинтересовано в добыче полезных ископаемых для обеспечения загрузки транспорта.

С именем Борисова неразрывно связана оценка Карело-Кольского края на керамические пегматиты. С 1922 г. на севере стали нарастающими темпами добывать полевой шпат. Потребности росли и надо было активизировать поиски и оценку этого сырья. С 1923 г. П.А. Борисов возвращается в карельский край. Так в 1924–1925 гг. он по заданию Института по изучению Севера в период возрождения государственного интереса к богатству недр страны начинает обследовать пегматитовые жилы на береговой

территории Белого моря от Сороки (Беломорск) до Кандалакши. Именно Борисов выступил с предложением использовать пегматит, в котором встречаются два минерала – это полевошпат и кварц, назвал его керамическим пегматитом. До этого добывали полевошпат и кварц только в чистом виде. Этот опыт он перенял от США и Канады. Внедрить свое предложение ему было непросто. В.А.Соколов в книге о Борисове «Человек влюбленный в камень» так описывает эти события: «1927 г. Геологическую общественность волнуют перспективы развития полевошпатовой промышленности. 7 января в Минералогическом музее собрались основные знатоки и специалисты по полевошпату. Председатель совещания А.Е. Ферсман предоставляет слово Н. Безбородко, П. Борисову, В. Крыжановскому, Б. Куплетскому, С. Курбатову... Представители Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Мурманска, Петрозаводска анализируют различные стороны полевошпатовой проблемы. В марте собирается второе, а в декабре – третье совещание по этому вопросу. Петр Алексеевич – активный участник всех трех совещаний. В выступлениях его призыв к расширению поисковых и разведочных работ на пегматитовых жилах Карело-Кольского края». В 1932 г. в журнале «Советская Карелия» П.А. Борисов публикует статью под названием «Пегматитовая проблема Карело-Кольского края».

Как выше упомянуто, Институт Севера проводит систематические экспедиционные исследования керамических и слюдяных пегматитов Северной Карелии, с чем связана деятельность П.А. Борисова. К результатам этих работ относится открытие крупнейших месторождений полевошпатовых пегматитов. Эти открытия выдвинули Карелию как первоклассную сырьевую базу керамического сырья, что позволило уже в 1926 г. отказаться от ввоза сырья. С момента организации Ленинградского геологического управления П.А. Борисов руководит всеми работами Управления по горнорудному сырью. Воспитана большая семья геологов-поисковиков, геологов-разведчиков и геологов-исследователей, открывших крупные промышленные месторождения. Это его ученики – Н.И. Рябов, Г.Н. Бунтин, Л.А. Косой, П.В. Соколов, В.А. Токарев, Л.Я. Харитонов, Н.А. Волотовская, В.Н. Нумерова, и др.

Имея прямое отношение к агрономической геологии, П.А. Борисов стал внимательно анализировать всю доступную по тем временам информацию о горных породах Мурманской области, пригодных для производства удобрений. Его интересовали описания карбонатных пород, гранитов, нефелинов и апатитов в пегматитовых жилах. Многие объекты он посетил, о чем можно судить по записям в его полевых дневниках. Рассказывали, что он не добрался до нефелино-apatитовых пород Турьего мыса в Кандалакшском заливе, так как лодка затонула и для Петра Алексеевича едва не закончилось все трагедией. В 1925 г. он посещает Хибины в связи с началом работ на Кольском полуострове по изысканию минеральных удобрений. В научной биографии П.А. Борисова имеются страницы, связанные с нефелином. В 1923 г. он отобрал пробу на станции Хибины из валунов с нефелином. Борисов по природе был любознателен, поэтому пробу передал в Керамический институт профессору С.М. Курбатову, который провел опытные плавки и получил цветное стекло. Потом нефелиновые образцы были переданы заведующему Хибинской опытной сельскохозяйственной станции И.Г. Эйхвельду. Опыты показали, что нефелин, внесенный в почву, повышает в полтора раза урожайность растений. П.А. Борисов писал: «по-видимому. при тонком измельчении нефелин может для нашего северного района сыграть определенную роль как суррогат калийных удобрений». Любопытно, что его заинтересовали нефелиновые пески, образованные там, где русла речки проходят по коренным породам. Поиски нефелиновых песков стали проводиться с 1926 г. попутно с заданием треста «Кармурсиликат» на поиски пегматитов. Одним из перспективных участков стал восточный берег озера Имандра. Вместе с геологом О.Я. Воробьевым и другими полевыми П.А. Борисов обследовал полосу длиной в 30 км вдоль озера. Здесь и были обнаружены три крупных залежи нефелиновых песков – на Большом и Малом Песчаном наволоке и Гольцовом наволоке. Материалы экспедиции были напечатаны в трудах Института по изучению Севера в 1929 г. Данной публикации он придавал большое значение, считая, что таким образом вовлекает в народно-хозяйственный оборот новый вид минерального сырья, который надо искать в четвертичных отложе-

ниях современного этапа. Надо сказать, что подобная идея получила воплощение в жизнь. Осенью 1930 г. началась разработка нефелиновых песков для производства бутылок. Минеральное сырье в вагонах поставляли на стекольные заводы в Ленинградскую область, Белоруссию и ряд областей центральной части РСФСР. П.А. Борисов отмечал с удовлетворением, что бутылки, аптекарская посуда, некоторые сорта парфюмерной посуды изготавливаются на шихте с 35–45 % нефелинового песка. «При этом «нефелиновая» посуда получается механически более прочной и химически более стойкой, чем посуда из обыкновенного песка. Если вспомнить, что контрольные цифры на 1931 г. по бутылочному стеклу предусматривали выпуск 106700 тонн изделий, то замена в них соды нефелином даст экономию около 1000000 рублей, а остро дефицитная сода пойдет на прочие цели». Вслед за этой областью использования Борисов предлагает новые направления использования нефелина – нефелиновое сырье в виде стекольной черепицы, в кожевенном производстве в качестве дубителя кож и т.п. Необходимо подчеркнуть, что экспедиции 1926–1927 гг. в районе озера Имандра для исследования нефелиновых песков относятся к значительным событиям в истории освоения недр Мурманской области.

И еще одна проблема связана с именем Петра Алексеевича – это кианиты, а началось с открытия кристаллических сланцев экспедицией в восточной части Кейв экспедицией А.А. Григорьева, а затем составлением геологической карты всего хребта Кейв. «Кейвы» означает по-саамски «перо», как и в действительности в кейвских возвышенностях морфологически скалистые гряды чем-то напоминают перья-гребешки. П.А. Борисов, будучи ответственным руководителем по горнорудному и химическому сырью в Ленинградском геологическом управлении, в 1936 г. присутствовал на защите материалов по геологической карте центральной части Кольского полуострова, на которой выступал П.В. Соколов, внимательно разглядывал черные кристаллы, схожие с голубым кианитом. Сохранилась в протоколе его реплика: «Позвольте, батенька, да ведь это же богатая кианитовая порода, настоящая алюминиевая руда! Не назовете ли Вы участки распространения пород этого типа?». Докладчик назвал – это Червурта в

центральной части Кейв и Манюк в восточной части. Еще ранее (в 1932 г.) Петр Алексеевич отметил в своем докладе, произнесенном на Первой заполярной геологоразведочной конференции в Мурманске, что Кейвы несут все признаки крупнейшего по кианиту промышленного района, актуальной становится проблема кианита как источника для производства алюминия. Его доклад назывался «Горнорудное сырье Кольского полуострова». Все это было действительно своевременно и актуально, потому что стояла задача в кратчайшие сроки подготовить минерально-сырьевую базу для развития алюминиевой промышленности в СССР в связи с мощной потребностью в этом сырье самолетостроения. Как знать, если бы не открытие бокситоносных бассейнов, то кейвские кианиты могли бы стать первенцем добычи алюминия в стране. Именно по инициативе П.А. Борисова были сформированы три полевых отряда, начальниками которых стали П.А. Кумари, Л.А. Косой и Н.В. Тюшев. Они обследовали участки развития кианитовых руд. Положительной стороной полевых работ стал отбор крупнообъемных технологических проб для полупромышленных испытаний. Разумеется, условия работы носили тяжелый характер. До железной дороги многотонные пробы транспортировались на оленьих упряжках. Дальнейшая история цитируется из книги В.А. Соколова в рассказах о жизни и деятельности профессора Петра Алексеевича Борисова: «Результаты работ профессор Боли сов доложил в 1936 г. на заседании физико-математического отделения Академии наук СССР. Президент АН СССР В.П. Комаров, академик А.Е. Ферсман признали, что объекты заслуживают самого серьезного внимания, что нужны постановка разведочных работ и проведение широких технологических испытаний. Эта поддержка оказала большое влияние на ход дела.

«Только в апреле 1938 г., – вспоминает Петр Алексеевич, – наступил поворот в длительной эпопее продвижения и реализации Кейвской проблемы. В промышленный отдел Центрального комитета партии была направлена специальная записка «Проблема высоких огнеупоров и сырьевая база для них на Кольском полуострове». Записку изучили – и дело завертелось». В Москве, по распоряжению наркома тяжелой промышленности, было

созвано совещание по огнеупорам и алюминиевому сырью, сначала узкое, а потом более представительное. Петр Алексеевич делал доклады, выступал. В официальных документах было записано: «потребность в кейвских кианитах в течение короткого срока вырастет до 1 млн тонн руды и больше, а это дает достаточно оснований для строительства крупного предприятия «Большие Кейвы»

Этой проблеме посвящается сборник «Большие Кейвы – проблема кольских кианитов», изданный в конце 1939 г. по инициативе П.А. Борисова, в авторском коллективе которого участвуют Л.Я. Харитонов, П.В. Соколов, Н.В. Тюшев, И.В. Барканов и др. В этом издании затронуты вопросы не только кианитов – это пегматиты, слюда, кварц, гранат и др. В дальнейшем история распорядилась по-иному. Не было суждено претворить в жизнь намеченные планы. Прошло много десятилетий и мы снова возвращаемся к кианитовой проблеме на новом уровне знаний рудного потенциала Кейв.

По его инициативе поставлена проблема нового в СССР вида абразивов – граната. Результатами этой работы стали гранатовые объекты Солохина Луда и Тербеостров у деревни Шуезерское на побережье Белого моря.

Война изменила планы. Страницы военного периода выглядят так: 1942–1944 гг. – старший инженер-геолог Горьковского геологического управления Министерства геологии СССР. 1944–1946 гг. – старший научный сотрудник и профессор кабинета минералогии Института земной коры Ленинградского госуниверситета

В 1946 г. на специальном совещании Академии наук СССР П.А. Борисов выступил с сообщением о минерально-сырьевых ресурсах Карелии и Мурманской области. Именно по инициативе крупнейшего и авторитетнейшего знатока недр П.А. Борисова была создана научная база академии наук СССР в Петрозаводске, первым директором которой стал академик А.А. Полканов. Гарри Лак вспоминает то время: «В секторе геологии ко времени моего прихода сложилась любопытная ситуация. Руководил сектором профессор Петр Алексеевич Борисов – представитель старой научной аристократии. П.А. Борисов весь свой интеллект и творческую энергию

отдал Карелии, заслужив среди геологов этого края почетное звание «отец карельской геологии». Основное ядро сотрудников работает по совместительству, а постоянное место их службы – Ленинградский университет, лаборатория геологии докембрия АН СССР. Они закладывали традиции, зародили предпосылки для создания Института геологии в Петрозаводске.

В адресе 1948 г. в связи с 70-летием Петра Алексеевича отмечено: «крупный ученый и педагог, обаятельный человек, отзывчивый товарищ, всегда оказывавший поддержку молодым геологам в их движении по пути научного совершенствования, Вы, Петр Алексеевич, всей своей деятельностью показываете пример беззаветного служения Родине и Народу. Желаем Вам еще многих лет плодотворной работы на благо нашей Социалистической Отчизны...».

8 апреля 1950 г. П.А. Борисов утвержден в ученой степени доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации. Протокол подписали зам.председателя Высшей аттестационной комиссии А. Топчиев и ученый секретарь И. Горшков.

В послевоенный период возобновляется интерес ученого к шунгитовым породам (первое посещение шунгитовых объектов состоялось летом 1908 г.). В 1914–1916 гг. он принимает участие в заседаниях Военно-промышленного комитета по вопросам шунгитового сырья. Так в журнале «Карело-Мурманский край» появляется в 1932 г. статья П.А. Борисова «Шунгит». В 1956 г. появляется в свет монография – Карельские шунгиты. Петрозаводск. Автор монографии высказывает предположения о происхождении шунгитов в условиях стоячих морских мелководных бассейнах, где сотни миллионов лет тому назад развивалась примитивная жизнь. Он определяет, что шунгитовые породы относятся к ценному полезному ископаемому. Уже в то время говорится о комплексном использовании уникального сырья и рассматриваются 8 направлений практического использования этих пород (агрономические руды, для получения искусственного графита, строительный и облицовочный материал, для технологического топлива в металлургической промышленности, пылевидное топливо, природный пробирный камень и абразивное сырье, природные краски). В день 80-летия П.А. Борисов в своем выступлении сказал:

«Дорогие товарищи и друзья, почтившие своим присутствием это слишком торжественное заседание, посвященное 80-летию простого советского научного работника!

Вы поймите мое волнение, когда мне пришлось выслушать многочисленные приветствия и пожелания по поводу моей прошлой научно-педагогической деятельности.

Такое событие в жизни советского работника, как признание его некоторых заслуг и в такой торжественной обстановке, как сегодняшнее заседание Карельского филиала, возможно только при нашем строе, когда представители партии и правительства, а также общественности отдадут дань уважения за многолетнюю и честную работу любому труженику, будь то рабочий или деятель науки.

Половина моей жизни и самостоятельной деятельности на избранном мною пути относятся к советскому времени. Оглядываясь мысленно на эти годы своей работы, я сознаю, что сделано немного; можно и нужно было в этот бурный период созидательной деятельности всего народа сделать больше.

Может быть, небольшим утешением мне будет служить то, что в замечательных достижениях нашей великой страны социализма есть и моя крупница участия. Мне сейчас приходят на память отдельные факты. В первые годы существования Филиала, благодаря непосредственному распоряжению Павла Степановича Прокконова, были выделены средства на оборудование шлифовальной мастерской при Отделе геологии, без которой не могла протекать нормальная работа наших геологов. Академику Ивану Павловичу Бардину Отдел геологии обязан устройством рентгеноскопического кабинета с современной аппаратурой и получением значительного количества платиновой посуды для химической лаборатории.

Первая моя монография по пегматитам Карелии вышла в свет при содействии Совета министров Республики в 1948 г.; вторая монография по керамическим пегматитам СССР была опубликована при прямой поддержке Отделения геолого-геофизических наук Академии наук СССР.

Прежде всего я должен поблагодарить Областной комитет партии и Карельское Правительство, Президиум и геолого-геофизиче-

ское отделение АН СССР и Президиум молодого Карельского филиала, инициатора этого собрания, не только за внимание к старому карельскому геологу, но и за ту действенную помощь и поддержку, которые я неизменно встречал с их стороны, особенно в период формирования Отдела геологии, руководство которым мне было доверено со дня его возникновения.

Я не могу здесь не вспомнить с благодарностью и другие учреждения, в стенах которых десятки лет протекала моя научная или педагогическая работа – это Северо-Западное геологическое управление Министерства геологии СССР и Пушкинский сельскохозяйственный институт, где я впервые находил товарищеское, внимательное и дружеское отношение руководства, старших товарищей и молодежи.

Позвольте мне принести благодарность и другим учреждениям и их коллективам, вспомнившим сегодняшний большой для меня праздник и откликнувшихся на него.

С большой признательностью я обращаюсь и к моим соотечественникам по работе в Отделе геологии нашего Филиала. При организации этого ответственного отдела мне в первую очередь необходимо было позаботиться подбором такого коллектива геологов, который был бы способен решать сложные вопросы карельской геологии. Без такого коллектива сотрудников, деятельных, любящих свою профессию и увлеченных самой тематикой, планируемой в Отделе, этих вопросов решить было бы невозможно.

Выполненные ими за первое десятилетие крупные исследовательские работы по коренной и четвертичной геологии на территории республики оправдали возлагавшиеся на этот дружный и сплоченный коллектив надежды. Он, кроме того, во многом облегчил и мою работу заведующего отделом геологии и сегодня я не могу отказать себе в удовольствии принести искреннюю благодарность его научному и техническому персоналу» (стенографическая запись 1958 г.).

Вот некоторые воспоминания о нем той поры. Академик Д.И. Щербаков: «Я познакомился с Вашими трудами по Олонецкому краю, будучи студентом. Они произвели на меня большое впе-

чатление своей увязкой вопросов геологии с полезными ископаемыми и своей конечной практической целеустремленностью, и в продолжении моей дальнейшей трудовой деятельности я сам избрал то направление, в котором Вы работали, в качестве основного направления моей деятельности. Поэтому сейчас, когда я пишу Вам это письмо, я его пишу как своему учителю, чьи работы еще близки и дороги...», академик А.В. Сидоренко писал: «Ваш огромный труд по изучению недр Карелии и Кольского полуострова достоин самого высокого уважения и подражания. По Вашим трудам училось наше поколение», академик Иоганн Гансович Эйхфельд «С большой благодарностью вспоминаю те годы, когда Вы своими чудесными лекциями пробуждали в нас, молодых студентах, интерес к научным исследованиям, познанию... Ваши напутствия и наставления помогли мне в годы самостоятельной работы. Ваш ученик...», академик А.А. Полканов: «Я принадлежу к бесконечному числу Ваших воспитанников, учеников...». В архивах П.А. Борисова хранятся письма от академиков А.Е. Ферсмана, Д.С. Белянкина, В.С. Соболева, Д.С. Коржинского и др.)

Мы храним память о прекрасном человеке, крупном ученом, первом директоре Института геологии Петре Алексеевиче Борисове. В музее геологии докембрия нашего института хранятся личные вещи и некоторые документы профессора П.А. Борисова.

В 1962 г. после создания Института геологии П.А. Борисов принимает решение о создании лаборатории нерудного сырья. Внимание сосредоточено на научном прогнозе и оценке полезных ископаемых. Уже после смерти Борисова изданы под титулом Госплана КАССР, Института геологии, Министерства геологии СССР материалы «Вопросы геологии и закономерности размещения полезных ископаемых Карелии» (редкол. П.А. Борисов, А.И. Богачев, К.О. Кратц, В.И. Робонен, В.А. Соколов. Петрозаводск, Карел. кн. изд., 1966.

О ПЕТРЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ БОРИСОВЕ

В жизни иногда встречаются люди, которые своим интеллектом и доброжелательностью надолго, а порой навсегда остаются в памяти. Для меня лично таким был Петр Алексеевич Борисов.

К весне 1948 г. в секторе геологии Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР сложилась любопытная ситуация. Наличествующий состав был представлен двумя аспирантками: Марией Луговской и Клавдией Ининой, а также Виктором Степановичем Артамоновым по совместительству (его основным местом работы был Петрозаводский университет). Кроме того, к числу сотрудников сектора относилось сравнительно большое количество геологов, постоянно проживающих в Ленинграде с основным местом работы в Ленинградском университете, Ленинградском геологическом управлении и Лаборатории докембрия. Руководил всеми профессор Петр Алексеевич Борисов – представитель старой школы научной аристократии. В начале прошлого столетия он был направлен известным ученым-геологом северо-запада А.А. Иностранцевым в «страну лесов и озер» для составления геологической карты Олонецкой губернии. С тех самых пор П.А. Борисов всю свою неиссякаемую творческую энергию и любовь отдал Карелии и ей никогда не изменял.

В середине мая 1948 г. Петр Алексеевич собрал весь свой «ленинградский коллектив» сектора геологии на предэкспедиционное совещание Петрозаводске. До сих пор помню, с каким трепетом взирал я на Г.М. Саранчину, Н.А. Волотовскую, В.Н. Нумерову, Т.В. Перекалину, В.Д. Никитина, К.А. Шуркина, К.О. Кратца. Это были яркие личности.

Наталья Александровна Волотовская отличалась природным аристократизмом, в то время, как Вера Николаевна Нумерова казалась мне брутально-величественной в буквальном смысле своим размерами (110х90х140) и удивительно пренебрежительным отношением к «маленьким людям», имея в виду себя в первую очередь. На их фоне Татьяна Васильевна Перекалина являла собой верх очарования и красоты. Пышные светлые волосы, ми-

ловидные черты лица и великолепная фигура делали ее сверхпривлекательной для мужчин любого возраста. Это она, в начале «хрущевского правления», сумела каким-то образом на грани фантастики выйти замуж за иностранца и таинственно, оставив дочери шикарную квартиру и все, что у нее было чисто личное, покинуть пределы Советского Союза.

Из мужчин наиболее сильное впечатление на меня, как помнится, оставили тогда К.А. Шуркин и, конечно, К.О. Кратц. С Кауко Оттовичем меня познакомил еще ранее Г.С. Бискэ на своем дне рождения 10 марта 1948 г., когда она одновременно отмечала успешную защиту своей кандидатской диссертации. Это был человек, который просто не мог не обращать на себя внимания. Он был не таким, как все, он был просто другим. И эту свою особенность он еще не раз подтвердит за многие годы нашего знакомства с ним.

Кирилл Александрович Шуркин выделялся своей могучестью, ростом за метр восемьдесят, ухоженной бородкой рыжеватого оттенка и ироническим взглядом добрых глаз. Не мог я себе тогда представить, что всего лишь через год, летом 1949 г., судьба сведет меня с Кириллом Александровичем Шуркиным вплотную в Калевальском районе, когда Г.С. Бискэ и он объединят свои отряды для проведения совместных полевых работ.

Но все это будет потом. Тогда же, на совещании в секторе геологии, слушая выступления отдельных участников совещания с их малопонятной для меня геологической лексикой, будучи в полном недоумении, а туда ли я попал, решил тихо и незаметно ретироваться и переждать совещание в коридоре. Однако, не прошло и пяти минут, как вышел Петр Алексеевич и со словами, что я являюсь полноценным членом коллектива сектора геологии, должен присутствовать на совещании и не нарушать существующий порядок. Комментарии излишни.

Осенью 1949 г. Г.С. Бискэ удалось вытребовать у начальства в лабораторном корпусе Сайнаволока помещение под будущую микроропалеоботаническую лабораторию, которую необходимо было соответствующим образом оборудовать: необходим был вытяжной шкаф, электромотор мощностью 380 ватт, электрическая центрифуга с 3600 оборотами в минуту, лабораторные столы, химические ре-

активы, соответствующая посуда и еще многое другое. Я набросал эскиз с размерами шкафа, составил внушительный список всего необходимого и гордый проделанной работой отправился в хозяйственные службы филиала. О мать моя, мамочка! Что тут началось! Сплошные вопли возмущения: столярная мастерская и так уже перегружена более важными и ранними заказами от разных заведующих лабораторий (понимать надо было так, что ты для нас слишком мелкая сошка), нет стекольщика, нет жестянщика, в общем, никого и ничего для меня нет! Их можно было понять. В условиях Сайнаволока оборудовать всем необходимым специальную лабораторию со сложным оборудованием и вредными химическими жидкостями и соединениями было действительно очень трудно и моего «авторитета» явно не хватало. В это время в Петрозаводск приехал Петр Алексеевич Я был уверен, что он поможет мне решить свои сверхсложные хозяйственные проблемы, но допустил непростительную ошибку. Я как бы пожаловался на Галину Сергеевну, что ее нет, она в отпуске, а мне одному не справиться. Ответ Петра Алексеевича был категоричен и краток: вам поручено, вы и выполняйте, а на начальство не имейте обыкновение жаловаться.

Реакция Петра Алексеевича добавила мне злости в хорошем смысле этого слова. Через полтора месяца у меня был шкаф с тягой, кроме того, я приобрел письменный стол и несколько стульев, шкаф для химикатов, центрифугу (пока ручную) и необходимую химическую посуду. В своей азартной настойчивости я напоминал себе бегуна на длинную дистанцию, на которой обязательно должен победить. На «финишной прямой» раздобыл красивые зеленые шелковые занавески на окна и прибил на дверях табличку под стеклом: «Микропалеоботаническая лаборатория». А внизу воображаемыми буквами: основатель Г. Лак. Это конечно же шутка, но справедливости ради нужно отметить, что лаборатория была одной из первых в Советском Союзе после Москвы и Ленинграда.

Вторая половина пятидесятых явилась для меня «пятилеткой» неожиданностей. Зимой 1956 г. Петр Алексеевич вынес на Президиум филиала представление о моем переводе на должность младшего научного сотрудника. Президиум не захотел

или не посмел взять на себя такую ответственность и я остался на прежней должности старшего лаборанта. Решение Президиума было достаточно обоснованным, поскольку у претендента не было оконченного среднего образования, не говоря уже о высшем. Но... у меня уже были научные работы в области ископаемых диатомовых четвертичных отложений, отмеченных научной общественностью. Однако, Петра Алексеевича решение Президиума не удовлетворило и, найдя в лице заместителя председателя филиала по науке Александра Васильевича Иванова как единомышленника, в ноябре того же года он выступил с этим же предложением уже в Москве, в Президиуме АН СССР. Я не знаю, как все происходило, что говорили мои заступники, как доказывали необходимость моего перевода на должность младшего, но Президиум согласился с их доводами и даже присвоил мне соответствующее звание, что в то время было вообще большой редкостью. Кроме того, чтобы исключить любые ссылки на отсутствие свободной штатной единицы, Москва перевела персонально мне должностной оклад в 1200 рублей (в прежнем исчислении). Я до сих пор не понимаю, как это удалось П.А. Борису и А.В. Иванову. Спасибо им огромное!

Но, увы, жизнь полосатая штука. И черная полоса застигла меня уже будучи заочным студентом МГУ в лице нового председателя президиума Карельского филиала, профессора, доктора геолого-минералогических наук В.С. Слодкевича. Будучи палеонтологом, он когда-то работал по изучению спикул губок в морских и озерных водоемах. Случилось именно так, что спикулы губок были обнаружены мною и в осадках четвертичного возраста Карелии. Естественно, я обратился за консультацией к В.С. Слодкевичу, как к единственному специалисту в этой области. И я ее получил! Представленный мною материал был им определен как морской по своему генезису, что никак не увязывалось с общей палеогеографической обстановкой изучаемого мною региона. Я решил показать свой материал известному специалисту в этой области, профессору Мартинсону из Ленинградского зоологического института АН СССР, который обоснованно доказал их пресноводный генезис. Мне следовало на этом остановиться, но я его мнение

донес до В.С. Слодкевича. Через несколько дней появился приказ о моем увольнении, по причине несоответствия занимаемой мною должности. Не стану скрывать, я был в панике. Но очень вовремя приехал Петр Алексеевич. Узнав обо всем из уст Галины Сергеевны Бискэ, он отправился к В.С. Слодкевичу и произнес: «Сударь, если вы уволите Гарри Лака, я подам в отставку». Я тут же был восстановлен в прежней должности.

Случилось так, что Петр Алексеевич, Васса Ефимовна и мы с Надей, моей женой, оказались одновременно на Рижском взморье. Борисовы отдыхали в санатории «Яункемери», а я и Надя у моей сестры в Майори. У сестры был «Москвич-407», которого она предоставила полностью в мое распоряжение. Мы возили Петра Алексеевича и Вассу Ефимовну по Рижскому взморью, посетили руины древних замков в Сигульде, побывали в ряде мест Рижских достопримечательностей. В последующие годы мы часто, когда были проездом в Ленинграде, приглашались Борисовыми в город Пушкин, где нас всегда ожидал вкуснейший обед и традиционный хрустальный графин с водочкой, настоянной на апельсиновых корочках. Петр Алексеевич всегда расспрашивал о моей учебе в школе и, особенно, в МГУ. Чувствовалось, что он был доволен избранным мною пути получить высшее образование не в педагогическом институте Петрозаводска, а в лучшем вузе страны – МГУ. Он был по-отечески добр ко мне. Спасибо ему огромное за все.

05 апреля 2013 г. Институте геологии КарНЦ РАН прошли мероприятия, посвященные 135-летию со дня рождения патриарха карельской геологии профессора Петра Алексеевича Борисова. В зале института, помимо сотрудников, присутствовали ветераны труда, ныне пенсионеры, гости из других организаций. С воспоминаниями о работе с Петром Алексеевичем выступили к.г.-м.н. В.И. Робонен и д.т.н. Ю.К. Калинин.

В связи с юбилеем П.А. Борисова была подготовлена презентация, в основу которой взяты архивные автобиографические материалы о жизненных этапах, воспоминания крупных ученых о Петре Алексеевиче и старые фотографии периода 1901–1963 гг. В зале развернута выставка документов и личных предметов П.А. Борисова.

В.И. Робонен, канд.геол.мин.наук Из выступлений на заседании

Я хочу вспомнить некоторые эпизоды из своей жизни, которые связаны со встречами с Петром Алексеевичем Борисовым. **Первый** раз я увидел Петра Алексеевича в дни Победы с 9 по 11 мая 1945 г. Здесь, в здании нынешнего главы республики, тогда Совета министров Карело-Финской ССР проходила Республиканская геологическая конференция, созванная партийной организацией КФССР. На ней присутствовали профессора П.А. Борисов, И.Ф. Правдин, В.С. Слудкевич и др., где было принято решение о создании Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. Этот документ пошел в правительство и в ЦК КПСС, по решению которых было принято постановление создать КФ научно-исследовательскую базу АН ССР в г. Петрозаводске. Это была инициатива Петра Алексеевича.

А затем, в мае месяце 1946 г. была сформирована первая геологическая экспедиция. Я, студент второго курса, был принят рабочим в сектор геологии и поехал в экспедицию на Шуезерское месторождение вместе с аспирантом К-ФГУ Зоей Васильевной Туробовой для участия в полевых работах. Зоя Васильевна потом преподавала и многие из выпускников нашего университета помнят и знают ее. Рабочим в секторе работал долго и неоднократно встречался с Петром Алексеевичем. **Это второй этап.**

Затем наступил уже **третий этап** знакомства личного, связанный с закрытием факультета (в 1956 г. состоялся последний прием), Выпускники разъезжались, кто куда – часть в Якутию, часть на Воркуту, в Новосибирск. Я остался в Петрозаводске и более близко познакомился с Петром Алексеевичем. П.А. Борисов был инициатором создания института и написал документ (докладную записку) в профилирующее отделение АН СССР, а затем эта записка о создании Института была поддержана председателем Президиума Республики. Надо сказать, что это была личная инициатива П.А. Борисова. Документы благополучно прошли все инстанции, и Петр Алексеевич стал первым директором. В 1959 г. уже было предreshено, что институт будет создаваться и в 1960 г. Петр Алексеевич мне сказал: «в создаваемый Институт нужен ученый секретарь, я буду тебя рекомендовать, Вильям, на эту должность. Но мы все беспартийные, ты будешь Ученый секретарь, и ты должен вступить в партию». Я послушался совета и вступил. И, конечно, будучи Ученым секретарем, был очень тесно связан с Петром Алексеевичем. Он в свою очередь был очень благородный человек, замечательный человек, скромный. Свою стезю он начал на практике будучи студентом с Питкяранты, затем было Заонежье, потом вся Олонецкая губерния.

Работая ассистентом в ЛГУ и по совместительству в земстве Олонецкой губернии, Петр Алексеевич составлял обновленную геологическую карту 1910 г., которая висит у нас в музее. Продолжал работать очень долго и летом, даже в 1963 г. (в возрасте почти 85 лет) он ездил в поле, правда недалеко, на машине. Он интересовался жизнью и работой всех сотрудников, был заботливый, я бы даже так сказал, что как добрый дедушка заботится о внуках, так и он обо всех пекся. Будучи крупным специалистом, он был знаком с чиновниками царского времени здесь в Петрозаводске, например, с Земским руководством, которые и сопровождали его. Потом в послеоктябрьский период он имел прямые контакты со специалистами, проводящими работы по планам ГОЭРЛО. Борисов застал и хрущевское время, то есть он пережил все этапы, все эпохи, был свидетелем многих событий. Петр Алексеевич в частных беседах, весьма доверительных, очень деликатно, но довольно откро-

венно критически высказывался по всем позициям всех этапов. Я думаю, что в памяти всех, кто знал Петра Алексеевича, он останется как благороднейший человек, живя и при капиталистической системе царской России и при коммунистической системе периода Ленина-Сталина, Брежнева и других деятелей нашей страны. Добавлю маленький штрих – когда создавался наш Институт, он обратился к тогдашним руководителям республики за помощью, чтобы приобрести в частном секторе в Ленинграде шлифовальный станок для шлифовальной мастерской, с тем, чтобы непременно делать шлифы. Помощь была оказана первым секретарем ЦК компартии КФССР Г.Н. Куприяновым. Далее история сложилась так, что в 1950 г. Г.Н. Куприянов был арестован по «ленинградскому делу» и только в 1956 г. помилован. После он работал директором дворцов и музеев в г. Пушкине. Петр Алексеевич встречался с ним в этом городе и помогал ему, в том числе в реставрации строений города Пушкина (Царского Села), чтобы получить сусальное золото для покрытия куполов.

Вот даже в таких делах Петр Алексеевич принимал участие. Он был всесторонне развитый человек и последнее время своей жизни очень интересовался классической литературой, и что примечательно, интересовался вопросами, связанными с Ромео и Джульеттой.

**Калинин Ю.К., докт. техн. наук, генеральный директор НПК
«Карбон-Шунгит» (из выступления на заседании)**

Петр Алексеевич в моей судьбе сыграл определяющую роль, а было это так: 1959 г., П.А. Борисов погружен в работу над созданием Института геологии. Он был ученый-геолог, но всегда считал, что геология должна давать практическую пользу, т.е. полезные ископаемые должны служить обществу. Петр Алексеевич считал, что в структуре нового Института должно быть технологическое направление и думал о том, как это реализовать.

И вот, 1959 г. – я заканчиваю техноложку (ЛТИ им. Ленсовета), приходит заявка от Карельского филиала АН СССР, что совпадает с моими интересами. Я получаю направление, приезжаю в Петро-

заводск и поступаю на работу. Таким образом, вся моя жизнь, благодаря Петру Алексеевичу, связана с Карелией, Петрозаводском, с Карельским филиалом Академии наук и шунгитом. Технологическое направление в области исследований минерального сырья получило развитие. Я думаю, что решение Петра Алексеевича было очень верным, потому что благодаря технологическому направлению институт стал более полноценным и возрос его авторитет.

Я перечислю основные блоки, связанные с технологическими исследованиями шунгитовых пород и сырья для каменного литья:

– это шунгизит. В Карелии формируется целая шунгизитовая отрасль, благодаря чему и карьеры были созданы, большие производства добычи шунгитового сланца и миллионы квадратных метров жилья ежегодно строились из этих материалов. В Карелии имелись собственные строительные материалы! Было разведано Нигозерское месторождение, Максовское месторождение малоуглеродистых шунгитов. Я до сих пор уверен, что это было очень положительное направление. И если бы сегодня в полной мере шло освоение Нигозерского месторождения, то Карелия имела бы самые дешевые строительные материалы и самое дешевое жилье.

– это камнелитейный завод. В Кондопоге в семидесятых годах был построен самый крупный в мире камнелитейный завод. На заводе выпускалась уникальная продукция в виде труб большого диаметра. Роль института состояла в том, что было найдено месторождение нового типа в качестве минерально-сырьевой базы для завода в Кондопоге.

– и, наконец, это шунгит. Два действующих карьера.

Петр Алексеевич меня заинтересовал шунгитом, настаивал на изучении этих пород. В шестидесятом году была экспедиция: в составе Петр Алексеевич, Зоя Петровна Митрофанова, Миша Ковалев (водитель, с ним всегда ездил Борисов) и я. Я, зеленый – молодой, был назначен начальником отряда. Опыта никакого, одно беспокойство, но так или иначе выехали. Раньше до Заонежья ехать надо было несколько суток. Для первой остановки нашли жилье в небольшом поселении. Мне запомнился этот ужин так: сели за стол, я достал бутылку, Митрофанова отказалась, я налил Ковалеву и себе. Петр Алексеевич смотрит на меня и гово-

рит: «Юра! А мне?». Я отвечаю: «Петр Алексеевич, я слышал, как Вы говорили, что Вы теперь выпиваете два раза в год – на Новый год и на день рождения». Он отвечает: «Нет, и в поле и с полем – привальная».

Петр Алексеевич повез меня по Заонежью. Много было показано и в целом он зародил во мне интерес к шунгиту.

П.А. Борисов, конечно, поражал всегда. Это был интеллигентнейший человек. Он владел французским, отлично рисовал, брал мольберт с собой в экспедиции. Это был мудрый человек. Я вот только сейчас начинаю понимать некоторые его высказывания, а тогда меня это удивляло, когда он спрашивал: «Какое основное богатство Карелии? И отвечал: «Щебень». Тогда мне было непонятно, а вот сейчас – понятно. Изучено в Карелии многое, что нужно в экономике и только сегодня появляются новые щебеночные заводы. Действительно, территория Карелии не имеет столь удобных условий для добычи этого материала.

Он поразил меня однажды и памятью своей. Мы приехали в Шуньгу и вошли в дом. Он остановился и подошел к комоду (на комодe раньше выставлялись фотографии). На фотографии бравый казак с закрученными усами. И Петр Алексеевич называет фамилию и имя этого человека. Хозяева были поражены. Петр Алексеевич говорит: «Я познакомился с ним 40 лет назад, когда был первый раз в Шуньге». Поразительно!!!

Петр Алексеевич был очень деликатным человеком, но и человеком, любившим и пошутить. Таковую, например, шуточку вспоминаю. Мог подойти к симпатичной женщине в Институте геологии и спросить: «Хотите ли Вы иметь от меня деточку». Женщина от удивления открывала рот, глаза, а он доставал из кармана конфетку.

Петр Алексеевич заложил в Институте традицию – это тесная связь геологии и технологии. Такая традиция всегда сохранялась при всех директорах (Каукко Оттович Кратц, Владимир Алексеевич Соколов, Сергей Иванович Рыбаков), сохраняется она и сегодня. Проводятся различные большие мероприятия и я желаю, коллеги, всем вам, сохранять традиции, заложенные Петром Алексеевичем Борисовым.

ФОТОХРОНИКА

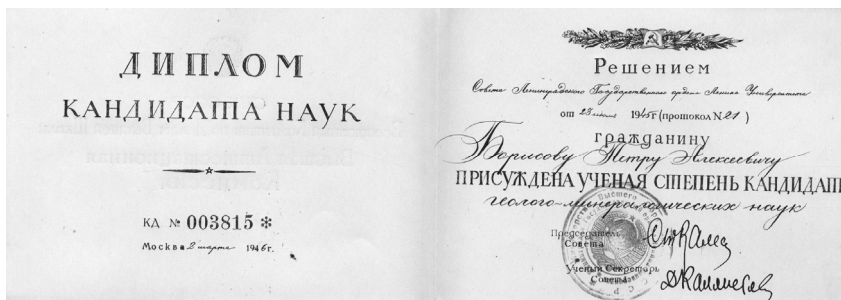
Профессор А.А. Иностранцев проводит практические занятия по минералогии в Петербургском университете. П.А. Борисов слева на заднем плане (1901 г.)

П.А. Борисов (1905 г.)

Кольский полуостров (1936 г.)

Рига, 1955 г. Петр Алексеевич со своей женой справа

П.А. Борисов и З.П. Митрофанова, 1952 г. 1953 г.

75-летие профессора П.А. Борисова

В первом ряду слева направо председатель Правительства КФ ССР П.С. Прокконен, В.Е. Борисова, П.А. Борисов, председатель Президиума КФФ АН СССР И.И. Сюкияйнен, В.И. Робонен, 1953 г.

Васса Ефимовна и Петр Алексеевич Борисовы

1956 г.

1958 г.

р. Ялгамка, 1961 г.

проф. Борисову П. А.
В ознаменование 250-летия со дня
рождения основоположника отечественной науки
Михаила Васильевича Ломоносова
Юбилейный Комитет вручает Вам памятную
бронзовую медаль М. В. Ломоносова.

Председатель
Юбилейного Комитета *М. В. Келдыш*
(М. В. Келдыш)

19 ноября 1961 года
г. Москва
№ _____

р. Пяльма, 1961 г.

Заонежье, оз. Путкозеро Рудное поле «Хопунвара», около г. Питкяранта

С академиком Д.С. Коржинским. В центре – профессор В.С. Слодкевич

С.Ф. Григорьев, П.А. Борисов и К.О. Кратц

Кивач, 1963 г., Слева П.А.Борисов, рядом К.А. Андреев, П.П. Боровиков,
Г.Ц. Лак, К.О. Кратц

П.А. Борисов (1878–1963)

**БОРИСОВ
ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ**

Фото на обложке

*Печатается по решению Ученого совета Института геологии
Карельского научного центра РАН*

Подписано в печать 22.11.2013. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times».
Уч.-изд. л. 3,5. Усл. печ. л. 4,0.
Тираж 100 экз. Изд. № 420. Заказ № 179.

Карельский научный центр РАН,
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50